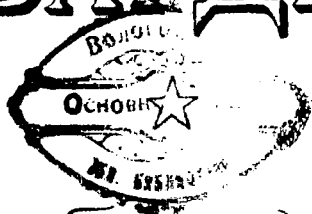

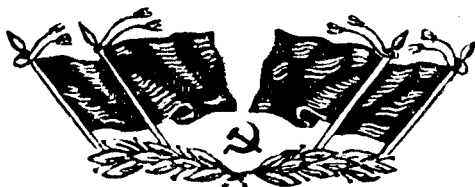

А. Кривицкий

НАША ГВАРДИЯ

Огиз Госполитиздат 1943

1943/17626

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	3
На заре славы	—
На пруссаков!	5
Путь доблести	7
Рождение советской гвардии	10
ГВАРДИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	14
Первые дивизии	—
Растёт боевая семья гвардейцев	19
На защите великих городов	23
Вперёд, гвардейцы!	28
Мужество духа	31
Сила гвардейского удара	35
ГВАРДЕЙСКАЯ ЧЕСТЬ	39
Боевые традиции	—
Внешний вид гвардейца	44
Гвардейское знамя	48

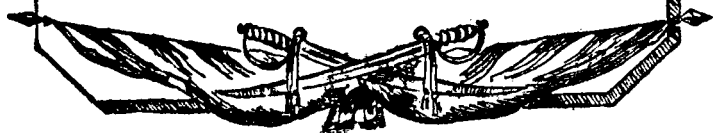
Редактор *М. Гилмулин*

Подписано в печать 11 февраля 1943 г. А322. Тираж 30000 экз. 3¹/₂ л. л.

Зак. № 3560. Цена 1 р.

1-я Образцовая типография Огива РСФСР треста „Полиграфкнига“.
Москва, Валуевая, 28.

Страницы истории

вардия! Само это слово — твёрдое и решительное, как удар меча, рождает в нашем сознании освящённое веками представление о могучей воинской силе. Советская гвардия возникла в огне Отечественной войны. Снежной зимой 1941 года на полях сражений впервые появились наши воины, получившие право носить это высокое имя. Гвардейцы Красной Армии завоевали его не на плац-парадах, не на мирных учениях, а в кровавых битвах с жестоким и сильным врагом.

Молодая советская гвардия вышла на подвиги за землю предков, обильно политую их потом и кровью. И когда думаешь о неслыханных испытаниях, сквозь которые непоколебимо прошёл народ за столетия своего исторического развития, то в воображении вновь встаёт его верный оруженосец — русская гвардия. На каждой странице русской военной истории мы видим неблекнувшие картины гвардейской доблести.

Боевые традиции русской гвардии служат советским гвардейцам источником величайшего мужества. В ратном труде своих далёких предков, превыше всего помышлявших о благе родины, наши гвардейцы находят высокие примеры верности воинскому долгу и своему народу.

НА ЗАРЕ СЛАВЫ

Гвардия в широком смысле этого понятия существует с тех пор, как человечество ведёт войны. В далёкой древности, как и ныне, военачальники отбирали в особые отряды храб-

рейших людей, способных решать судьбы сражений. В древней Спарте гвардия комплектовалась из атлетов, получавших почётные венки на народных играх, то-есть из самых сильных и выносливых людей страны. У Александра Македонского была «дружина любимцев», куда зачислялись солдаты, преодолавшие несколько военных походов.

Была гвардия и у русских князей в дни, когда Русь ещё только складывалась как государство. Князьи дружины, воины которых не были связаны с землёй, а только с князем, представляли собой прообраз не только регулярного войска, но именно гвардии — лучших профессиональных солдат своего времени.

Силами такой гвардии Александр, князь новгородский, разбил интервентов в устье Ижоры, недалеко от Невы, вписав в историю великих сражений Невскую битву, а себя поставив в ряд величайших полководцев русской истории. Древнерусская гвардия воеводы Боброка решила в пользу Москвы участь Куликовской битвы, участь России. Гвардией были и допетровские стрельцы, возглавлявшие походы народных ополчений Ивана Грозного на Казань и Ригу.

Но только во времена Петра I были образованы регулярные Преображенский и Семёновский полки — родоначальники нашей гвардейской силы. Первого русского гвардейца звали Пётр Бухвостов. 30 января 1683 года к царю Петру явился ладный парень — косая сажень в плечах. Был он конюхом, а мечтал о воинских подвигах и пришёл добровольно служить. С него Пётр и повёл список своей регулярной гвардии и приказал впоследствии отлить в честь первого гвардейца его бронзовый бюст.

Осенью 1700 года Преображенский и Семёновский полки спасли русские войска от разгрома под Нарвой. Прославленные войска Карла XII, создавшего сильнейшую регулярную армию в Европе, вынуждены были уступить мужеству первых русских гвардейцев. Это было боевое крещение птенцов Петра, и они показали себя орлами.

Когда обрушился мост через реку Нарову, по которому должна была пройти русская армия, семёновцы и преображенцы стали у переправы железной стеной и не сдвинулись ни на шаг назад. Они стояли до тех пор, пока остальные войска не починили моста и не перешли на противоположный берег. Карл XII бросил на эти два полка большие силы. Он понимал, что именно в этот момент получает возможность разбить всю русскую армию, и потому сам примчался к месту переправы.

Как ни силен был натиск неприятеля, как ни превосходил он гвардейцев численностью и военным опытом, они выдержали все атаки. Битва была отчаянной, кровь лилась рекой, но гвардейцы, «возлюбленные чада Петра», не дрогнули и сделали своё дело, прикрыли отступление русской армии.

С той поры Пётр повелел гвардейцам носить вместо зелёных чулок красные, в знак того что они сражались у переправы стоя по колено в крови.

Так русская гвардия выступила на поля сражений. Дело под Полтавой... Бой на берегах Прута... Штурм города Фридрихштадта — так начался победоносный путь гвардейцев — красоты и гордости армии.

НА ПРУССАКОВ!

Новые страницы военной истории русского государства украшены подвигами знаменитых лейб-гренадер в прусских походах Семилетней войны. Бой у городка Гросс-Егерсдорф сбил спесь с чванливого Фридриха II. В сиянии гренадерских штыков померкла раздутая слава прусской кавалерии Зейдлица, считавшейся в Европе непобедимой.

Именно тогда начался закат «косой атаки» Фридриха, пугавшей современные ему армии своей неотвратимостью. Удар по одному из флангов неприятеля — «косая атака» в линейном боевом порядке — неизменно приносил пруссакам победу. Но в сражениях с русскими этот приём потерпел крах.

У Гросс-Егерсдорфа на угрожаемый фланг стали лейб-гренадеры, и об их стойкость разбилось вражеское наступление. Кавалерия Зейдлица — эскадроны несущихся полным галопом драгун — поворачивала обратно под сосредоточенным огнём гренадер. Кони поднимались на дыбы и сбрасывали всадников. Только что сбитая в правильные квадраты лавина кавалеристов рассыпалась и опустошённая в беспорядке мчалась назад. А ей вслед неумолимо двигались российские гренадеры — исполины-усачи в голубых епанчах и чёрных кожаных шапках. Они шли, чтобы схватиться с прусской пехотой и подмять её под себя.

Бой под Гросс-Егерсдорфом развеял легенду о непогрешимости тактики Фридриха и силе его войск. А в следующем году русские гренадеры дали миру новые доказательства того, что близок конец прусского могущества на европейском континенте. Во главе испытанных полков гренадеры вступают

в Кёнигсберг. Стоит суровая зима, и население города восторженно встречает запорошенных снегом великанов-гвардейцев с обледеневшими усами.

Русское командование доносило тогда в Петербург: «Прусские жители, видится, рады приближению гвардии, ибо ежедневно из всех мест и городов приходят магистраты и старшины просить дабы предварительно приняты были в покровительство державы российской. Оное им не отказывается; да, конечно, и они к раскаянию о том причины иметь не будут».

И вскоре гвардейцы-гренадеры стояли в торжественном карауле при официальном церемониале перехода жителей Кёнигсберга в русское подданство. Известно, что одним из первых принёс тогда новую присягу знаменитый философ Иммануил Кант, занимавший учёную должность в Кёнигсбергском университете.

Русская гвардия совершает свой победоносный боевой марш в глубь Пруссии. Возле деревни Цорндорф происходит сражение, после которого сами офицеры Фридриха скрепя сердце признали непревзойдённые воинские качества противника. Снова пруссаки идут в «косую атаку», снова не желающая расстаться с тенями своих былых побед скачет кавалерия Зейдлица на фланг русского боевого порядка. И опять гренадеры вместе с гвардейцами-кексгольмцами, названными так по имени взятой ими финской крепости Кексгольм, оцетниваются штыками. И опять сомкнутые каре гвардейцев извергают смертоносный огонь на врага. Не меньше половины русских гвардейцев полегло на поле брани, грудью встретив около 50 эскадронов тяжело вооружённых неприятельских всадников. Но оставшиеся в живых, словно вкопанные в землю, стояли недвижимо и принудили прусскую кавалерию показать спину.

Фридрих мечется в отчаянии. Сквозь дым сражения он уже видит свою судьбу. Ещё одна неудача окончательно подорвёт его престиж в Европе и низринет в бездну. Он делает последнюю попытку спасти положение и переносит очаг боя на другой фланг. Но русская гвардия упреждает движение фридриховских батальонов. На этот раз удар наносит кавалерия.

Вихрем выносятся вперёд русские лейб-кирасиры. Они скрываются среди пламени разрывов прусских ядер, и когда дымовые тучи, стелющиеся по земле, рассеиваются, король Фридрих уже не видит всей первой линии своей пехоты. Она как бы исчезла с поля, потоптанная и изрубленная русской

конной гвардией. Прусское знамя волочит за собой рослый кирасир, скачущий к палатке фельдмаршала Салтыкова. Бегом в наступление ринулась гвардейская пехота. Раздавленные пруссаки беспорядочно отступают.

Полная победа остается за русскими. Но Фридрих не может примириться со своим позором. Он пытается взять реванш хотя бы на бумаге. В «Журнале о военных действиях российской гвардии из СПб ведомостей—1757—1758 гг.» сказано: «Берлинские газеты напротив того, совсем не вступая в подробности о сей баталии, ищут уверить свет, якобы совершённая на их стороне победа осталась. Но нужда, для которой составляются толь бесстыдные лжи, ведома нам. Там ищется провести своих союзников, дабы с одних, может быть, новые денежные вспоможения получить, а других утвердить в принятом единожды намерении для службы короля прусского истощать свои области и подвергать оныя неминуемому разорению».

Но тщетны были ухищрения ослеплённой манией величия Пруссии. Спустя год, в сражении под Кунерсдорфом, русская гвардия впереди всей массы войск тяжёлым молотом пробивает боевой порядок пруссаков. Король Фридрих спасается бегством... Гренадеры, кексгольмцы, кирасиры дефилируют по улицам Берлина. Гвардейский офицер Прозоровский, едва стерев с лица пыль похода, скакал уже обратно в столицу России, далёкий Петербург, чтобы к дням торжества по случаю победы привезти ключи Берлина.

Участники кунерсдорфской битвы получили медали с выбитыми на них словами: «Победителям над пруссаками». А серебряные трубы, поднесенные гвардейским полкам, долгие годы пели славу героям прусских походов.

ПУТЬ ДОБЛЕСТИ

Войны с Наполеоном в 1805—1807 годах открывают в истории русской гвардии новую, блистающую славой страницу. Именно к этому времени относятся подвиги Павловского полка, удостоенного особого приказа, который был прочитан во всех русских гвардейских частях. Приказ гласил: «За отличное мужество, храбрость и неустрашимость в сражениях с французами состоящие в лейб-гвардии Павловском полку шапки оставить в том виде, в каком полк сошёл

с места сражения, хотя бы некоторые из них были повреждены. Да будут эти шапки всегдaшним памятником отменной храбрости полка».

Это было неслыханным отличием, которому на долгие годы суждено было стать символом, воспитавшим в традициях героизма не одно поколение гвардейцев-павловцев. Медные пластинки, укрепленные на продырявленных пулями, обожженных порохом шапках, сохранили для новобранца имена тех солдат, которые носили их в памятных битвах с французами. Приходя в полк, молодой гвардеец, показавший свою удаль в боях, получал такую гренадерку и с величайшим благоговением покрывал ею свою голову, узнавая имя того, кто своими подвигами превратил этот простой убор гвардейца в воинскую святыню.

Под Аустерлицем, во время отступления русских войск, несколько эскадронов русских кавалергардов бросаются в стремительную атаку на сплошную стену французов и приводят их в замешательство, давая этим возможность основным русским силам выйти из боя. «Это была та блестящая атака кавалергардов, которой удивлялись сами французы», — писал Л. Н. Толстой в романе «Война и мир».

И вот в чреде годов, обагрённых кровью и осенённых славой русской гвардии, появляется грозный 1812 год. Обезумевшая Европа, в страхе и покорности склонившаяся перед Наполеоном, хлынула потоками своих войск вместе с французской армией в пределы России.

Границу перешли французы, итальянцы, пруссаки, баварцы, саксонцы, австрийцы, поляки. И в этом году русская гвардия поднялась к вершинам героизма, победно поспорив своей силой с самыми отборными батальонами Наполеона.

Солнце Бородинской битвы уже свыше столетия освещает славу русских гвардейцев. Их роль в Отечественной войне была исключительно велика.

Наполеоновский генерал Фриан был потрясён одной из тех непостижимых уму иностранца русских контратак, когда, казалось бы, в безнадежном положении, теснимые со всех сторон неприятелем, усатые гвардейцы выбрасывают штыки наперевес и идут вперёд, сметая на своем пути всё живое. Фриан изумлённо отметил в своих записках: «Русские гвардейцы, даже раненые, подползали к неприятелю, дрались с ним, валили его и умирали, цепляясь за горло врага. Барабанщики били противника барабанными палками».

Когда нужно было, гвардейцы шли в неудержимую атаку, и не было силы, которая могла остановить движение этих

великолепных батальонов русских людей, сражавшихся за отчизну.

Когда нужно было, гвардейские полки, выполняя приказ Кутузова «Стоять на смерть! Ни шагу назад!», упорно обороняли свои позиции, ни на мгновение не помышляя об отходе. Их сдавливало огненное кольцо, ядра французов образовывали зияющие бреши в человеческой стене, но гвардейцы хладнокровно смыкали ряды, и снова перед неприятелем стояли непобедимые каре прославленной русской пехоты. Так три гвардейских полка — Измайловский, Литовский и Финляндский — стояли у Семёновского оврага, защищая исторические Багратионовы флеши. Стойкость этих полков склонила чашу весов победы в сторону русских войск.

Сила обороны гвардии была всегда, во все времена, беспредельной. Можно сказать, что даже в тяжёлые периоды, когда нашим войскам приходилось отступать, гвардейцы продолжали беспрерывно атаковать противника и никогда не запятнали своих знамён беспорядочным отходом. Разве можно назвать отступлением медленное движение назад, когда противник так и не видит спины гвардейцев, когда они, обернувшись к нему лицом, продолжают наносить удар за ударом.

Если русская гвардия и покидала по приказу поле боя, то это напоминало уход раненого льва, грозного и не сломленного. Гвардейцы бывали перебиты, но побеждены — никогда! Те, кого миновала смерть, оставались на своих постах и дрались до последнего. «Всегда атаковать!» — вот старый девиз русской гвардии, прекрасно выражающий принцип активной, наступательной обороны.

Русская гвардия дралась не только в пределах своей страны, отражая вражеские нашествия. Она появлялась в знойной Италии, на высотах Монмартра в Париже, во льдах Ботнического залива, в Берлине.

Когда накануне труднейшего похода на Аландские острова жесточайшей зимой 1808/09 года у молчаливого Багратиона спросили, возможна ли подобная кампания, хватит ли человеческих сил, чтобы её вынести, этот генерал-солдат, сподвижник гениального Суворова, лаконично ответил: «Прикажете — пойдём!»

Эти две короткие фразы — «Прикажете — пойдём» и «Всегда атаковать!» — неизменно были боевым паролем русских гвардейцев...

В первую мировую войну гвардия снова показала свои великолепные боевые качества.

☆

РОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ГВАРДИИ

Когда мы произносим слово «гвардия», то перед нашим мысленным взором встаёт непоколебимая воинская сила, не знающая преград и поражений. История войн сохранила немало образцов гвардейской доблести и мужества. Прославлены подвиги «дружины любимцев» Александра Македонского, наполеоновских «ворчунов» в медвежьих шапках, красно-мундирных солдат Веллингтона, храбрецов-преображенцев и семёновцев Петра. Дни славы гвардии вошли в летопись военных побед короткими наименованиями полей битв — Полтава... Аустерлиц... Лейпциг..:

Преемницей лучших воинских качеств гвардии всех времён и народов — стойкости, мужества, отваги — стала наша Красная гвардия 1917 года — первый вооружённый отряд Советского государства, главная боевая сила Октябрьской революции. Она обладала несгибаемым духом мужества и бесстрашия.

Красногвардейцы были людьми фабрик и заводов. «Буквально каждый час число их росло, ибо на всех заводах шла запись. В петроградскую Красную гвардию был запрещён доступ добровольцам со стороны. Принимали только рабочих данного завода. Это предохранило Красную гвардию столицы от проникновения в её ряды тёмных авантюристов. Она находилась под непосредственным контролем рабочих фабрик и заводов. В ряде мастерских Путиловского завода красногвардейцы избирались общим собранием рабочих и с гордостью считали себя делегатами от заводов» («История гражданской войны в СССР», т. II).

Конференция петроградских красногвардейцев приняла устав Красной гвардии. Он давал единообразную форму организации Красной гвардии, укреплял её дисциплину, точно определял права и обязанности Главного штаба, его бюро и районных штабов.

Конференция закончилась 23 октября. В воздухе пахло порохом. Главный штаб постановил держать Красную гвардию под ружьём, приказал установить дежурства красногвардейских отрядов, на заводах усилить патрули и разведку.

Ленин и Сталин вникали во все мелочи подготовки и боевой жизни красногвардейских отрядов, готовя их ко дню решительного штурма. И вот Главный штаб Красной гвардии получил приказание: немедленно направить в Смольный отряд в 1 500—2 000 рабочих, произвести мобилизацию всего транспорта, занять в районах все тактически важные пункты,

организовать охрану фабрик и заводов и выделить боевые силы для захвата правительственных учреждений.

Вооружённое восстание началось. К Смольному подкатывали грузовики с красногвардейцами и солдатами. Шагали патрули, спеша занять посты. Группы рабочих-гвардейцев стали на караул у всех выходных дверей и подъездов Смольного. На крышу втаскивали пулемёты...

Предстоял штурм Зимнего. Отряд за отрядом уходил в сторону площади, где возвышалась тёмная громада дворца. В рядах красногвардейцев вспыхивали революционные песни, и сильные, суровые слова громким эхом прокатывались по широким проспектам города. Шла рабочая гвардия Октября, полная решимости и отваги, прообраз советской гвардии Великой отечественной войны.

Со всех сторон стягивались красногвардейские отряды к Зимнему. Вооружённые люди двигались с Охты, от Московского района, Васильевского острова, Нарвской и Невской застав. Путиловский завод — цитадель рабочего класса — выслал несколько отрядов. В пути к ним присоединились красногвардейцы с завода «Сименс-Шуккерт» и фабрики «Скорород». Впереди колонны красногвардейцев Сестрорецкого завода развевалось красное полотнище, украшенное великим словом — революция!

Красная рабочая гвардия шла в бой...

Самой надёжной вооружённой опорой молодой Советской республики была Красная гвардия. Отряды рабочих-гвардейцев вели борьбу против многочисленных врагов нашей родины; красногвардейцы были костяком Красной Армии. Их бросали на самые опасные участки, туда, где создавалось критическое положение. Победоносным знаменем Ленина — Сталина был осенён путь Красной гвардии.

К Красной гвардии предъявлялись особые требования. В «Боевом положении» того времени говорилось: «Каждая боевая операция требует от Красной гвардии, с одной стороны, строгой дисциплины, с другой стороны, самой широкой деятельности, сознательной инициативы как командного состава, так и каждого красногвардейца для быстрого достижения поставленной цели и при всякой обстановке».

Память о самоотверженности Красной гвардии живёт в сердце советского народа.

Наша страна прошла большой и славный путь. Обстановка сейчас совсем не та, какой она была в первый год существования советской власти. Наше государство стало богатым и могучим. Уже не разрозненные красногвардейские отряды

обороняют его независимость и свободу, а мощная Красная Армия. Но как и тогда, дух стойкости и мужества витает над боевыми шеренгами наших людей, поднявшимися на защиту отчизны.

Много времени прошло с тех пор, как по полям битв ступали преображенцы Петра, гренадеры Салтыкова, пронеслись кавалергарды и лейб-улань Кутузова. Изменился характер войны. Не в синих кафтанах, не в белоснежных колетах с касками, украшенными перьями, открыто, на виду у всех, идут на битву полки, чтобы в двух-трёхчасовой схватке решить исход дела.

Современный бой требует от гвардейцев длительной затраты физической энергии, умения, величайшего упорства и стойкости. Никогда ещё на долю воина не выпадали такие суровые испытания, как те, что принесла Отечественная война с германским фашизмом.

Гвардейцы зарываются в землю, выдерживают многодневное воздействие с воздуха, стоят под круглосуточным огнём артиллерии, летают на самолётах, движутся в танках, ползут километр-два по размокшей земле к проволочным заграждениям врага.

Война сегодня — это война моторов. Но вместе с тем и именно поэтому она требует невиданного раньше напряжения моральных и физических сил людей. Огромная плотность огня, совершенство технических средств борьбы, длительность боёв, переходящих в многодневные сражения, — всё это возвышает значение подвига каждого отдельного воина-гвардейца.

Неизменным остаётся подвиг духа. И та нравственная сила, которая всегда была царицей армий, правит войсками и поныне. Вот почему неуязвемы боевые традиции старой русской гвардии и не поколеблена временем её слава. Она волнует сердца советских гвардейцев и прибавляет им сил в трудной борьбе с врагом.

Можно сказать, что если войны прошлого требовали минутного порыва, ослепительной, но короткой, как удар молнии, вспышки отваги, то теперь нужен постоянно действующий героизм, неиссякаемое упорство, идущее из сердца волна за волной, стойкость и твёрдость, равные граниту.

И советская гвардия, закалившаяся в боях, оказалась именно той могучей силой, которая полностью соответствует характеру современных битв. Она возникла в гуще нашей молодой армии, победоносно сдавшей тяжёлый боевой экзамен на полях кровопролитных схваток с вооруженным до зубов врагом.

Советские гвардейцы — это люди беззаветной храбрости.

не знающие страха смерти, готовые не колеблясь отдать жизнь за родину, за народ, за Сталина. Советские гвардейцы — это бойцы и командиры образцовой дисциплины, организованности и высокой военной выучки, приобретённой в боях. Советские гвардейцы — это не оловянные солдатики «плац-парадной гвардии», а воины, которые в каждом бою проявляют инициативу и изобретательность, чтобы наилучшим образом использовать своё оружие, усовершенствовать тактику действий.

Не сразу наши гвардейцы стали такими, какими их видит сейчас народ. Они воспитывались в дыму и пламени сражений и в трудных условиях борьбы неоднократно наносили жестокие поражения немецко-фашистским войскам, обращая их в бегство и наводя на них ужас. Ужас для врага — вот что такое наши советские гвардейцы.

ПЕРВЫЕ ДИВИЗИИ

Восемь пехотных дивизий, Московская мото-стрелковая дивизия и танковая бригада открыли список храбрейших соединений советской армии. Это бойцы Руссиянова, Акименко, Гагена, Москвитина, Лизюксва, Миронова, Петрова, Грязнова, Панфилова, Катукова. На полях сражений появилась гвардия священной Отечественной войны.

Это был период наших временных неудач. Гвардейцы закалялись в битвах, сопряжённых с потерями территории, в труднейших испытаниях духа. Но они были непоколебимо стойки в обороне и всегда сохраняли веру в победу, рождая и закаляя в себе величественный дух гвардейцев-сталинцев.

Там, где трус видел свою погибель, а малодушный терял веру, гвардейцы нашли лишь школу опыта и упорства. В боях под Минском, Орлом и Борисовом, в обороне Дорогобужа, в нашем ельнинском прорыве уже сказывалась та сила, которая стала ныне грозой для фашистов.

На Юго-западном фронте 1-я гвардейская дивизия Руссиянова при помощи контрманёвра избежала немецкого окружения и сумела создать врагу столь невыгодную обстановку, что, ведя двухдневный бой превосходящими силами, немцы так и не добились удачи на этом участке.

Руссияновская дивизия — не случайно 1-я гвардейская. Она первой оказала немцам такое жестокое сопротивление. Пехотинцы 1-й гвардейской грудью встречали немецкие танки. Они первыми применили в массовых масштабах бутылки с бензином и зажигательной жидкостью. Они были пионерами этой замечательной народной «гранаты».

За спиной 1-й гвардейской, сдержавшей немцев у Минска, развёртывались наши главные силы.

1-я Московская гвардейская мотострелковая дивизия также встретилась с немецко-фашистскими войсками в те дни, когда, развивая наступление от Минска, они рассчитывали в несколько бросков очутиться у ворот столицы Советского государства. Прямо с марша дивизия вступила в ожесточённые бои. И питомцы Москвы не посрамили своей чести. Дивизия не дрогнула, не поддалась панике. Её люди, казалось, были отлиты из стали. Москвичей на испуг не возьмёшь!

Немцы пытались расстроить связь и управление дивизией. Не вышло! Она быстро нашла меры противодействия приёмам фашистских войск, немедленно уничтожала вражеских автоматчиков, просачивавшихся в тыл, и продолжала вести упорные бои с неприятелем. Дивизия одной из первых усвоила, что немцы избегают ночных схваток, и начала смело навязывать их врагу.

В период напряжённых боёв на Юго-западном фронте 1-я Московская гвардейская мотострелковая дивизия была переброшена в район Сумы — Суджа. Едва выгрузившись из вагонов, бойцы встретились под Никольское — Штеповка с 28-й механизированной дивизией немцев. В первом же бою гвардейцы с ошеломляющей стремительностью ударили по неприятелю. Оставив на поле боя 17 танков, 350 машин с боеприпасами, десятки пулемётов, миномётов и орудий, 28-я немецкая дивизия бежала. Немецкие солдаты и офицеры растерянно говорили местным жителям: «У русских появилась какая-то новая бешеная часть. Это сумасшедшие люди, фанатики. Таких мы еще не встречали».

Бойцы и командиры дивизии в первые же дни боёв убедились, что на войне не бывает безвыходных положений. Москвичи — народ бывалый. Их не остановит опасность, не смутит какая бы то ни была угроза. И можно сказать, что 1-я гвардейская мотострелковая дивизия была в числе тех наших частей, которые раньше других научились срывать тактику врага и наносить ему жестокие, изнуряющие удары.

Вспомним бои дивизии за станцию Толочино. По четыре раза в день переходила эта станция из рук в руки. Немцы были вне себя от бешенства, но не могли продвинуться ни на шаг, до тех пор пока дивизия, выполнив свою задачу, не получила приказа отойти. Развитие фашистского наступления на Оршу было надолго задержано.

Знаменитой 5-й гвардейской дивизией командовал полковник Миронов. Два Героя Советского Союза были команди-

рамки полков в этой дивизии, а бойцы — сибиряки и алтайцы, отцы которых сражались с немцами под Варшавой и Прагой, переходили Карпаты с Брусиловым, — насчитывают в своей среде сотни орденосцев. Сильный и кряжистый всё народ, быстрый в движениях, ловкий на слово. Так подобрать всех одного к одному могла лишь хорошая боевая школа, пройденная с победами.

Когда однажды на стрелковый полк Героя Советского Союза полковника Некрасова немцы повели наступление, многие были удивлены, услышав его приказ:

— Двум ротам, обороняющим центр, отойти на километр!

На глазах у противника две роты стали отходить.

Крича и стреляя, немцы ринулись в открывшийся мешок. Они бежали густыми цепями, во весь рост, забыв об осторожности, думая, что лёгкая победа уже в их руках. Полковник Некрасов, сжав зубы, наблюдал за ходом сражения с фланга. Упустить момент охвата означало бы проиграть бой.

И в самую критическую минуту с левого фланга послышалась пулёмётная очередь. Некрасов кивнул головой в ту сторону.

— Хороший командир! Во-время начал!

Немцы взяты в клещи. Две отходившие роты с хода ударили в штыки, полк гнал фашистов километров десять, и на поле боя насчитали потом до тысячи вражеских трупов. Не дав врагу опомниться, бойцы Некрасова ворвались в занятую им деревню и укрепились в ней.

В другой раз некрасовцы, прорвав немецкое расположение, заняли важную дорогу и остались на ней одни. Полк знал, что отхода не будет, хотя неминуемо окружение.

«Не все ли равно, как бить немцев — в окружении или не в окружении?» — эта крылатая некрасовская фраза стала заповедью и лозунгом всего полка. Это была едва ли не первая традиция советской гвардии.

Полк решил прорываться к своим. Намечено было нанести три последовательных удара в наиболее слабый пункт противника. Немецкое кольцо порвалось от первого же удара. Головной батальон быстро выскочил к своему фронту. Второй стал немедленно расширять прорыв, третий остался на месте сдерживать немцев. Казалось бы, чего проще, как пройти к своим всем составом полка.

Но нет! «Ходом», проложенным назад к фронту от места обороны полка, быстро выдвинулись соседние подразделения. Прорыв раздался, немецкое кольцо порвалось на отдельные звенья, и немцы отступили в панике под натиском голодных,

пять суток не видевших воды воинов, кровь которых превратилась как бы в расплавленное железо...

Велики заслуги перед отчизной наших гвардейских противотанковых артиллерийских полков. Они первыми обломали бронированные клинья Клейста, Гудериана, Шмидта и других хваленых немецких генералов. Они первыми показали, что нам не страшно превосходство немцев в танках, и многое сделали для того, чтобы свести к нулю это превосходство.

1-й гвардейский противотанковый артиллерийский полк под командой майора Ефременко только в одном бою разбил 23 немецких танка. Много раз катился вперёд стальной немецкий вал, но сверкал огонь пушек Ефременко, и вал дробился, застывая на месте дымными громадами подбитых машин. Чувствительный урон врагу нанёс и 2-й гвардейский противотанковый артиллерийский полк под командой капитана Алешкина, и 3-й гвардейский противотанковый артиллерийский полк подполковника Герасимова, и 4-й гвардейский противотанковый артиллерийский полк майора Пастушенко.

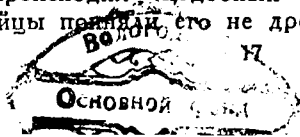
1929/1
Защита Москвы вписана в историю нашей гвардии как дело её наивысшей славы и доблести. Никогда не забудет народ 8-ю гвардейскую панфиловскую дивизию, стоявшую на Волоколамском шоссе стальной преградой врагу. Никогда не изгладится из памяти поколений снежный разъезд Дубосеково, где 28 героев-гвардейцев пали в неравном бою с 50 танками врага, прикрывая своими телами родную Москву.

В грозные дни, когда решалась судьба Москвы, когда вражеский натиск был особенно силён, весь смысл жизни и борьбы воинов Красной Армии, защищающих столицу, состоял в том, чтобы любой ценой остановить врага, преградить дорогу немцам. Ни шагу назад! — таков был высший закон защитников Москвы. Победа или смерть! — таков был их девиз.

И там, где этот девиз стал волей наших людей, там, где наши бойцы прониклись решимостью до последней капли крови оборонять Москву, отстоять свои рубежи или умереть, — там немцам не было пути.

Свыше 50 вражеских танков двинулось на рубежи, занимаемые 28 советскими гвардейцами из дивизии имени Панфилова. Фашистские танки приближались к окопам, в которых притаились наши бойцы.

Сопротивление могло показаться безумием: 50 бронированных чудовищ против 28 человек! В какой войне, в какие времена происходил подобный неравный бой! Но советские бойцы проявили его не дрогнув. Они не попятились,

не отступили. «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва», — сказал политрук Клочков-Диев. Разгорелся невиданный бой. Из противотанковых ружей храбрецы подбивали танки, зажигали их бутылками с горючим.

В этот час горстка героев не была одинока. С ней было великое прошлое нашего народа, грудью отстаивавшего свою независимость. С ней были доблестные победы русской гвардии, о которых фельдмаршал Салтыков ещё во время Семилетней войны с пруссаками доносил в Петербург: «Что до российских гвардейцев касается, могу сказать, что противу их никто устоять не может, а сами они подобно львам презирают свои раны». С ней была доблесть и честь Красной Армии, её боевые знамена, которые в эти минуты как бы осеняли героев. С ней было великое сталинское благословение на беспощадную борьбу с врагом.

Уже 18 исковерканных танков недвижно застыли на поле боя. Бой длился более 4 часов, а бронированный кулак фашистов всё не мог прорваться через рубеж, обороняемый гвардейцами. Но вот кончились боеприпасы, иссякли патроны в магазинах противотанковых ружей. Не было больше и гранат. Один за другим выходили из строя смельчаки.

Фашистские машины приблизились к окопу. Немцы выскочили из люков, желая взять живьём уцелевших храбрецов и расправиться с ними. Но и один в поле воин, если он советский воин! Политрук Клочков-Диев сгруппировал вокруг себя оставшихся товарищей, и снова завязалась кровавая схватка. Гвардейцы сложили свои головы, они погибли, но не пропустили врага! Подоспел наш полк, и танковая группа неприятеля была остановлена.

Мы не знаем предсмертных мыслей героев, но своей отвагой, своим бесстрашием они оставили завещание нам, живущим. «Мы принесли свои жизни на алтарь отечества, — говорит нам их голос, и громким, неутихающим эхом отдаётся он в сердцах советских людей. — Не проливайте слёз у наших бездыханных тел. Мы знали, во имя чего идём на смерть, мы выполнили свой воинский долг, мы преградили путь врагу. Победа или смерть! Другого выбора у вас нет, как не было его и у нас. Мы погибли, но мы победили!»

Таковы первые наши гвардейские дивизии. Появление их встречено было страшной злобой в стане врага. Но гвардейцы могут сказать о себе словами Некрасова:

Мы слышим звуки одобренья
Не в сладком рокоте хвалы,
А в диких криках овлабленья!

Крушением гитлеровских планов «молниеносной войны» против Советского Союза страна во многом обязана первым советским гвардейским дивизиям, навеки вписавшим свои имена в историю Великой отечественной войны.

Советские гвардейцы — это питомцы великого Сталина. Заботливо растит и растит наш великий вождь железных воинов, мастеров военного дела. В школе сталинской стратегии и тактики учатся военному искусству наши генералы.

Несгибаемая воля Сталина, сила его несокрушимого духа словно перелились в сердца советских гвардейцев, лучших воинов нашей эпохи. И благодарный наш народ с любовью и гордостью взирает на своих сынов, чья грудь украшена горящей алым знаменем эмблемой гвардии. Народ знает, что советская гвардия выращена трудами Сталина. Имя гвардейца окружено в стране ореолом славы и почёта.

Пройдут годы, вырастут изрытые снарядами поля битв, зарубцуются раны воинов, но имя сталинского гвардейца останется навеки в памяти народной символом беззаветного служения отчизне.

РАСТЁТ БОЕВАЯ СЕМЬЯ ГВАРДЕЙЦЕВ

Шли дни, и росла боевая семья гвардейцев. Новым полкам и дивизиям вручены почётные знамёна. Уже десятки знаменосцев сжимают в своих руках древки ало-золотых гвардейских стягов. Боевые генералы и полковники принимали их коленапреклонённо, целуя священную бархатную ткань, и задымлённые порохом бойцы клялись пронести эти знамёна до полной победы над врагом.

Плечом к плечу с гвардейскими частями первого этапа Отечественной войны стали новые гвардейцы, возвращённые в дни побед Красной Армии. Растёт сила нашего наступления на врага, растёт и наша гвардия.

Каждый род войск имеет теперь свою гвардию. У нас есть гвардейские стрелковые дивизии, танковые бригады и корпуса, кавалерийские соединения, авиационные, артиллерийские, противотанковые артиллерийские и мотоциклетные полки. Много в Красной Армии гвардейских миномётных полков и дивизионов.

В огне боёв закалились воины, и гвардия наша стала подходить на грозный стальной булат. Любые испытания по плечу гвардейцам Красной Армии.

Гвардейская часть Сухиашвили из соединения, которым командовал гвардии генерал-майор Лизюков, показала такую выдержку и упорство, перед которыми меркнет слава многих знаменитых подвигов гвардии прошлых времён.

Звание гвардейской часть Сухиашвили завоевала участвуя в 150-километровом боевом марше по тылам противника. Эта часть шла авангардом главных сил. Немцы встречались с железным потоком, сметающим на своём пути всякое сопротивление. Не имея возможности остановить его наземными средствами, немцы организовали комбинированный контрудар. В течение нескольких дней они тщательно готовились к нему.

Бойцы Сухиашвили подверглись удару одновременно действующих 150 самолётов. В течение трёх часов непрерывно действовали бомбардировщики и штурмовики фашистов. В то же время противник вёл сильный артиллерийский и миномётный огонь. Немцы применили здесь новое оружие — миномёты 230-миллиметрового калибра. Каждая такая мина по своему действию равна крупной бомбе, сброшенной с самолёта. Плотность огня противника была настолько большой, что, казалось, на воздух взлетала вся земля.

Белоснежное поле у деревни Пронино превратилось в чёрную поляну, зияющую ранами воронок, и белые халаты демаскировали бойцов. Пронинский лес был совершенно сметён, лишь кое-где оставались пни.

Немцы были настолько уверены в эффекте своей подготовки, что после неё, по сигналу белых ракет, пошли вперёд густыми колоннами. Они были убеждены: путь открыт. Медленно ползли танки врага. Офицеры открыли люки и с удовольствием наблюдали страшную картину результатов авиационной и артиллерийской подготовки. Вокруг было все мертво.

Но когда немцы без выстрела прошли место, где находился Пронинский лес, чёрное мертвое поле вдруг ожило. Из воронок от бомб и снарядов, как по команде, внезапно выросли силуэты бойцов. Со всех сторон вспыхнули огоньки пулемётов и противотанковых ружей. Из-за пней полетели связки ручных гранат. Перед немцами появилась непроходимая огневая завеса. Ошеломлённые фашисты на мгновение остановились. В колоннах падали всё новые и новые солдаты. Минута замешательства окончательно погубила врага. Бойцы поднялись в контратаку во весь рост. Изумлённым немцам, думавшим, что они идут как бы по кладбищу, казалось наверно, что это воюющие мертвецы.

Сотня уцелевших красноармейцев отбросила авиадесантный полк немцев. Оставив на поле боя сотни убитых солдат и

офицеров, немцы побежали. Грозная контратака гвардейцев настолько подействовала на врага, что в течение семи дней немцы, словно тараканы в щелях, сидели в своих окопах.

Так часть Сухиашили завоевала звание гвардейской.

Всю страну облетела весть о несравненном подвиге четырёх бронбойщиков-гвардейцев — Болото, Алейникова, Самойлова и Беликова — из соединения гвардии генерала Утвенко. Рассказ Петра Болото о том, что произошло в тот день, раскрывает нам нравственный мир стойкого, непоколебимого, могучего гвардейца-воина.

«Утро было. Только мы у себя в окопчиках за кашу сели, как нам кричат: танки! Я поставил кашу аккуратно, думаю: съем ещё. А у меня всё в окопе с той думкой вырыто, чтобы удобнее было: слева — для вещей разных полочка земляная, справа — для гранат. Только кашу отставил, действительно танки идут. Только не на нас, а стороной, вижу, идут, обойти, наверное, нас хотят. И на первый раз всё очень быстро вышло. Увидали мы первый танк. Я приложился, выстрелил. И слышу, Беликов тоже выстрелил. Танк не загорелся, но стал. Я ещё в это время других танков не увидел и говорю Алейникову: «Гляди, бей немцев, как выскакивать будут!» Но тут второй танк подошёл и первый от нас собой закрыл. Так и стоял, пока в него экипаж с разбитого танка перелезла. Стали мы бить по второму танку, но тут у нас, наверное, промахи вышли: он стоял, стоял и дальше пошел — не попали в него мы.

И тут они все один за другим мимо нас вдоль позиции пошли. Много их было. Я увидал, что много, и просто прямо ребятам сказал: «Ну что же, за Родину, за Сталина, за жену, за детей — бей по гвардейскому закону! Если пропадём, так все зараз, а выживем — тоже все».

И мы оба ударили по третьему танку. Он загорелся. А огонь от них, прямо сказать, очень сильный был. Все они шли мимо нас и из пушек и пулемётов смолили, так что наш окоп землёй забрасывало, — в глазах темно. Просто совсем рядом рвались снаряды ихние. Даже иногда самому удивительно бывало, что живу ещё. Справа от нас пулемёт стоял, так они его сразу на воздух поднимали. То ли уже такое несчастье ему выпало, то ли трудов пожалел, в землю плохо залез, — уж не знаю. Только, как ударили, так зараз и погиб, замолчал. А мы ничего, — живые сидим. У нас окопы удобные были, подходящие.

Третий танк так свечой загорелся, что даже никто и не выпрыгнул из него. Я это вижу и Беликову кричу из окопа

в окоп: «Ну, как ты, ничего?» — «А ты?» — «А я тоже ничего». — «Ну, — говорю, — значит и хорошо».

Такой мы с ним короткий разговор всё время вели для бодрости духа. Но по обличию видать было, что никто не бледнел, цвет лица не терял.

После этого мы по четвёртому танку ударили, — он встал. Но их ещё много сзади шло, так что переживания у нас были всё время трудноватые. Но мы все-таки разговаривали друг с другом, перекрикивались. И в это время на нас ихний самолёт «Рама» пикировать стал. Пикирует и пикирует, и до того эта «Рама» пикировала, что всё ложился я, ложился, а потом вскочил на ноги, потому что уже сил моих не было, и стал ему по коногонской привычке разные слова кричать. Потом «Рама» улетела, а танки всё идут и идут. Сильная была жара, меня всего потом заливало. А тут ещё ружьё от стрельбы раскалилось, пришлось мне с себя пилотку снять и через пилотку за ружьё браться, потому что иначе руку обжигашь.

А танки всё идут и идут. И до того ружьё раскалилось, что пришлось мне уже с Беликовым по очереди стрелять, через раз — то я, то он. Так и продолжалось у нас дело, бились мы с танками весь день. Я стреляю, стреляю, погляжу на Алейникова — вижу, он в лице немного сменился. Ясно, хотя и гвардеец, но парень ещё молодой. Я говорю: «Алейник, не журись! Не журись, все равно оба живы будем». Беликов мне из своего окопа кричит: «Смотри, Болото, не промахивайся!»

А я и сам стараюсь: знаю, что нам промахиваться нельзя, потому что как раз промахнешься, так нам всем за одно конец света будет.

А танки всё ближе к нам подходили, но мы их старались не допустить. А огонь от них всё сильнее. И мы решили между собой: либо жить, либо умереть, но в плен не отдаваться.

И я тут увидел, что Беликов от ружья оторвался и что-то на бумажке пишет. Я говорю ему: «Что ты пишешь?» Он говорит: «Я боевой листок пишу. За всех нас четверых, что бьёмся по-гвардейски и не отдадимся живыми. Пусть от нас память будет, может наши придут и найдут».

К той минуте мы пятнадцать танков подбили. Они все перед нами в поле, в бурьяне стояли. Часть — погоревшие, а часть так просто, — встали и ни с места. Уже смеркаться начинало, темнота пошла. Остальные танки, которые двигались, начали вправо и влево заворачивать.

Так мы их атаку с твёрдым гвардейским духом отбили, и все четверо живые.

Вот какой у нас бой был».

«Гвардия умирает, но не сдаётся», — говорили в старину. Наша гвардия не сдаётся и не умирает. Она бессмертна своими победами над врагом.

Во все времена в армиях всех народов существовали прославленные, отборные части. Не раз они решали судьбу боя там, где другие войска были бессильны добиться успеха. Эти испытанные воины выступали на поля сражений в ореоле своей сверкающей славы, во всеоружии многолетнего опыта. Красная Армия молода. Её полки закалялись в огне Отечественной войны и, словно сталь, прошедшая сквозь горнило взыскательного мастера, превратились в грозный и благородный меч народа. В молодой Красной Армии гвардейская дивизия Гуртьева, например, — одна из самых юных по возрасту и уже самых заслуженных по своему воинскому умению. Её действия в Сталинграде показывают могучую силу наших резервных соединений.

Так возвышенна цель нашей борьбы с врагом, так велика наша ненависть к нему и так жизнеспособны принципы большевистской военной организации, что каждый день сражений выдвигает в ряды советских гвардейских войск всё новые и новые боевые части.

НА ЗАЩИТЕ ВЕЛИКИХ ГОРОДОВ

О твага защитников древней Трои и прославленное в веках мужество воинов осажденного Карфагена не могут сравниться со стойкостью богатырских защитников Москвы, Ленинграда, Одессы, Севастополя, Сталинграда. Эти города — символы неслыханного героизма нашего народа, олицетворение его воинских качеств.

«Героические защитники Москвы и Тулы, Одессы и Севастополя, Ленинграда и Сталинграда показали образцы беззаветной храбрости, железной дисциплины, стойкости и умения побеждать. По этим героям равняется вся наша Красная Армия» (Сталин).

Опьянённые лёгкими победами на Западе, немцы возомнили, что для их армии настали времена «библейских чудес», когда стены городов падали от одного лишь трубного гласа. Быстрая капитуляция Варшавы, Брюсселя, Парижа распалила волчьи аппетиты захватчиков. В Советской стране само-

надежная уверенность врага рассыпалась в прах. Наши города-герои — и гвардейцы в первых рядах их защитников — встали на пути гитлеровских войск непреодолимым препятствием.

Задача городов-героев состояла в том, чтобы сковать возможно больше сил врага, истреблять и перемалывать их, обескровливая, таким образом, неприятельскую армию. Города-герои путали карты врага, срывали все его планы и развязывали нашим войскам руки для ударов по немцам в неожиданных направлениях.

И если мы оглянемся сейчас на недалёкое прошлое, то увидим, как велико стратегическое значение стойкой обороны наших городов во всём ходе Отечественной войны. Они становились теми узлами, которые немцам так и не удавалось развязать, независимо от конечного исхода борьбы за эти города.

С болью в сердце мы думаем о том, что Одесса и Севастополь находятся сейчас в руках немцев, но чувство великой гордости охватывает нас при одной мысли о доли, какую сыграли эти города в Отечественной войне. Каждый камень в развалинах Севастополя и Одессы — это камень, вложенный в фундамент нашей будущей победы над врагом. Достаточно вспомнить, что только под Севастополем немцы потеряли около 300 тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными. Это была цена крови за руины города, которые получил враг.

С каждым новым днём, когда узнавали мы, что Севастополь, как и раньше Одесса, ещё стоит непоколебимо, дымясь развалинами на берегах исторических бухт, великой благодарностью наполнялись наши сердца. И когда Севастополь пал, мы знали, что защитники его и в их числе на передовых линиях — гвардейцы не отдали врагу славу и честь нашей родины, они выполнили свою задачу до конца.

Одной из причин конечного поражения немцев в 1918 году было бессмысленное израсходование ими своих отборных дивизий под Верденом. Людендорфу так и не удалось залечить эту кровоточившую рану немецкой армии. Ещё до наступления Красной Армии зимой 1943 года немцы, объясняя причины своих тяжёлых неудач под Сталинградом, называли этот волжский город «красным Верденом».

Но, как известно, Верден — первоклассная крепость, а Сталинград никогда не был крепостью. Обыкновенный город был превращён в неприступную твердыню великим героизмом его защитников, решивших скорее умереть, нежели сдать Сталинград немцам.

Заняв рубежи обороны, гвардейцы Родимцева и Гуртьева и их товарищи по 62-й армии не отступали ни на шаг. Как же объяснить тот факт, что некоторые улицы оказывались в руках врага? В ответе на этот вопрос раскрывается величайшее мужество нашей гвардии, её презрение к смерти.

Одно крупное здание города оборонялось батальоном гвардейцев Родимцева. Они выдержали десятки ожесточённых немецких атак. Кто же отступил? Никто. Лишь некоторое время спустя, из здания приполз один тяжело раненный красноармеец. Остальные люди батальона все до единого сложили свои головы, и только после этого немцы продвинулись вперёд.

Причина крушения немецкого оперативного искусства на полях сражений в Советской стране состоит, между прочим, и в том, что в своих расчётах враг рассматривал наши города лишь с точки зрения объективной силы их крепостных сооружений. Штурмуя Ленинград, Севастополь и Одессу, — из которых первые два города являются сильными морскими крепостями, — не с моря, а с суши немцы не ожидали встретить на своем пути серьёзных препятствий. Однако они столкнулись не только с несгибаемой силой духа советских воинов, но и с тем новым, что внесла в военное искусство Красная Армия и её гвардейцы, — с тщательно разработанной тактикой защиты городов, тактикой уличных боёв.

Наши войска и гвардейцы доказали, что город со своими постройками сам по себе является как бы крепостью, которая может стать неприступной. Даже в хаосе огня и разрушения, когда на города-герои летели сверху тысячи бомб, а кругом бушевало пламя пожаров, ни на минуту не замирала боевая активность обороняющихся. Куда бы в эти моменты ни ткнулся противник, он всюду встречал мощный отпор.

Советские гвардейские соединения навеки войдут в историю военного искусства как необычайные воинские организмы, выработавшие совершенные, ещё никогда не применявшиеся формы уличных боёв. Гвардейцы довели до степени высокого воинского класса защиту зданий, полуразвалившихся стен, отдельных этажей, комнат и даже лестничных клеток, используя при этом все виды технических средств борьбы.

Огромную роль в обороне городов сыграли наши гвардейские артиллерийские полки. Их контрбатареинная стрельба, рассчитанная на уничтожение вражеских орудий, достигла совершенства. Под Ленинградом гвардейские батареи майора Медведева подавили множество немецких орудий, в том числе и восьмиорудийную батарею 155-миллиметрового калибра,

которая одна, по дьявольскому замыслу гитлеровцев, должна была обратить в руины целые кварталы Ленинграда. Но советские гвардейцы выследили её с помощью тщательной звуковой разведки, сделали аэрофотосъёмку. И когда вражеские «Берты» лежали перед мысленным взором гвардейцев, как на ладони, батареи Медведева открыли огонь. Дальнобойные пушки гитлеровцев были накрыты точными залпами. Немцы увезли из-под Ленинграда огромные бесформенные груды металла — всё, что осталось от их сверхмощной батареи.

На защите Ленинграда прославились гвардейцы Краснова. Много раз изведал враг их беспощадный удар. Они громили немцев и на дальних подступах к городу и на берегах темной Невы, где двести с лишним лет назад ходили в победоносные бои первые русские гвардейские полки — орлиная стая Петра I. Гвардейцы прекрасно овладели всеми формами подвижной активной обороны.

Нет такого ленинградца, которому бы эти два слова — гвардейцы-красновцы — не говорили о воинской доблести и чести. Защитники города знали: там, где стоят бойцы Краснова, — врагу нет пути. Стойкими были гвардейцы в обороне. Первыми они двинулись в наступление. Во время прорыва блокады Ленинграда гвардейцы Краснова наступали на труднейшем участке. Они прошли буквально сквозь стену немецкого огня, но сделали свое дело...

Воинный теоретик прошлого Клаузевиц писал: «Если бы существовала такая страна, где населённые места защищались своими жителями и окрестными крестьянами, то в этой стране быстрота хода войны была бы столь ослаблена, а подвергшийся нападению народ оказал бы давление на чашу весов такой крупной частью всех усилий, на которые он способен, что талант и сила воли неприятельского полководца оказались бы окончательно подавленными».

Да, теперь такая страна существует! Это наш Советский Союз. Когда 62-я армия подошла к Сталинграду, в гвардейскую дивизию генерала Родимцева целиком влились многочисленные отряды, сформированные из добровольцев — сталинградских рабочих. Вчерашние слесари, кузнецы, плотники стали суровыми воинами, никому не уступавшими в храбрости, мужестве и геройстве. Растворившись в массе гвардейцев, они образовали вместе с ними тот благородный металлический сплав, который оказался способным выдержать любое испытание.

Ворвавшись, наконец, на окраины Сталинграда, немцы по-

дагали, что город вскоре падёт. Они находились под гипновом силы своей техники. Из опыта войн прошлого они знали, что уже давно, с тех пор как крупные армии с их мощной артиллерией научились разрушать сильные крепостные укрепления, города перестали ставить на карту свои силы лишь для того, чтобы отсрочить на некоторое время сдачу.

Но общий ход боёв Красной Армии с немцами показал, что советские города выполняют огромную роль в системе нашей обороны как узлы, связывающие стратегическую ткань всей войны. Так произошло и со Сталинградом. В первую очередь благодаря 62-й армии, чьи основные соединения носят эмблему гвардии, город стал подлинным щитом против наступления немцев, закрывшим им путь к нашему волжскому и уральскому тылу.

Оборона Сталинграда — венец гвардейской доблести. Пусть этот прекрасный город, столица южного Поволжья, славившийся своими великолепными заводами, отличными парками, красивыми зданиями, превращён в груды развалин. Прежнего Сталинграда нет. Но жив и вечно будет жить непокорённый Сталинград, оставшийся в истории нашего отечества символом беспримерной стойкости и отваги.

Месяцы обороны городов-героев — это месяцы истощения и ослабления гитлеровских войск, это время укрепления Красной Армии, которая доведёт дело разгрома врага до победного конца.

Сталинградская эпопея увенчалась успешными наступательными действиями наших войск. Недаром в огне и дыму непоколебимо стояли защитники города, недаром они вынесли на своих плечах неимоверную тяжесть многомесячной осады. Упорство советских воинов, героически оборонявших Сталинград, вознаграждено беспримерной в истории военного искусства победой Красной Армии. На подступах к Сталинграду шестая германская армия нашла свою могилу. Она была окружена и полностью уничтожена.

На правом берегу Волги у Сталинграда на высокой каменной стене причала в первые дни боёв за город была сделана надпись: «Здесь стояли насмерть гвардейцы Родимцева». Выстояв до конца, они покрыли немеркнувшей славой свои боевые знамёна. «Выстояв, мы победили смерть», — гласит следующая надпись.

Страна увидела всё огромное значение стойкости наших людей, не теряющих веры в свои силы и готовых во имя родины претерпеть любые испытания.

Там, где хвалёные немецкие генералы видели лишь «бес-

смысленную отвагу обречённых фанатиков русских», на самом деле был осмысленный героизм воинов, понимавших, что своим упорством они закладывают прочные основы для будущих решительных побед Красной Армии.

ВПЕРЕД, ГВАРДЕЙЦЫ!

В ноябре 1942 года Красная Армия пошла в наступление. Блистательным её авангардом были, как и всегда, гвардейцы.

Входя в селенья, как в былины,
В бессмертье запросто входя,—
Гвардейцы, чудо-исполины,
В сердцах проносят клич вождя.
На знамени гвардейцев — Ленин.
Взрастила их отчизна-мать.
Пароль гвардейцев неизменен:
В сраженьях только побеждать!

В наступательных операциях, которые провели наши войска в районе среднего и нижнего течения Дона, южнее Сталинграда, на Северном Кавказе и других участках фронта, большую роль сыграли подвижные части. Они придали операциям широкий размах, позволили вести их в быстром темпе.

Если зимой прошлого года наступление осуществлялось главным образом пехотно-артиллерийскими массами, то теперь на поле боя рядом с этими родами войск и впереди них действуют танковые и механизированные корпуса, наносящие глубокие удары по вражеским группировкам.

Беспримерным в зимних условиях рейдом прославился танковый корпус генерала Баданова, преобразованный в гвардейский.

Во время наступления на среднем Дону этот корпус вырвался глубоко вперёд (на 60—80 километров от наших наступающих частей) и внезапным ударом захватил станцию Тацинская — важнейшую базу снабжения немецкой армии. Гвардейцы нанесли противнику огромные потери, предупредили его контрудар и захватили богатые трофеи, в числе которых было 350 немецких самолетов. Эта победа сыграла большую роль в осуществлении плана окружения немецкой группировки под Сталинградом. Приказом Наркома Обороны товарища Сталина корпусу, как особо отличившемуся в боях за отечество с немецкими захватчиками, присвоено почётное наименование 2 гвардейского Тацинского танкового корпуса.

Великолепную боевую работу показали гвардейцы-

танкисты соединения генерала Ротмистрова, кавалера ордена Суворова, одного из командиров самого могучего по своей ударной мощи рода войск. Боевой путь частей этого корпуса можно проследить по свежим следам гусениц, проложенным через сугробы, по горам вражеских трупов, запорошённых снегом, по вереницам неприятельских машин, недвижно стоящих вдоль дорог. Здесь сокрушительным смерчем прошли танки Ротмистрова.

В составе его корпуса действует бригада, которой Ротмистров командовал ещё в первые месяцы войны и уже давно носящая звание гвардейской.

В хмурые сентябрьские дни танкисты Ротмистрова выступили в бой против немецко-фашистских захватчиков. Это было тяжёлое время. Враг, очертя голову, лез вперёд. Его надо было остановить во что бы то ни стало.

Была ночь. Сухопутные дредноуты гвардейской бригады двигались с потушенными фарами в район исходных позиций. Атака должна быть неожиданной для фашистов, особенно важно сохранить в секрете направление удара. Но гудят в лесу моторы машин, скрежещут гусеницы. Как замаскировать звук?

«Снять глушители тракторов!» — приказал полковник Ротмистров.

Лес огласился страшным рёвом. Шесть тракторов грохотали теперь сильнее, чем вся бригада. Для движения им было дано ложное направление. Тем временем бригада небольшими группами сосредоточилась в назначенном месте. С рассветом она обрушилась на врага всей тяжестью стали и огня.

Военная хитрость полковника Ротмистрова принесла свои плоды. Фашисты всю ночь готовились встретить наши танки с той стороны, откуда доносился звук гудящих тракторов, и жестоко просчитались. Ротмистровцы опрокинули и погнали немцев, давая их гусеницами, расстреливая из пушек и пулемётов.

Несколько дней подряд непрерывно шли бои. Танкисты сорвали планы фашистского командования, заставили врага перейти к обороне.

Крупные соединения вражеской авиации стали охотиться за танковой бригадой. Фашистские самолёты рыскали над лесами. Однажды им посчастливилось. Они нашли бригаду в тот момент, когда она только что вышла из боя и собралась в низкорослой роще, в 2—3 километрах от передовых позиций. Десятки самолётов уже летели к тому месту, чтобы бомбить машины. А за высотой стояли немецкие танки, го-

товые перейти в атаку и после налета авиации довершить разгром бригады.

Все же и на этот раз немцы просчитались. Наши танкисты во время заметили вражеские самолёты. Они быстро завели машины. Лес загудел. Затрещали березки, плотно прижимаемые к земле тяжёлыми гусеницами. Бронированные корабли выползли на открытую местность и на ходу выстроились в боевой порядок.

«Вперёд!» — выброшен сигнал с командирской машины. И бригада пошла на вражеские позиции — туда, где стояли немецкие танки. Завязался жестокий бой. Перемешались свои и чужие машины.

Разъярённые немецкие летчики в бессильной злобе носились над полем боя. Им не удалось сбросить ни одной бомбы. Они не могли этого сделать, боясь поразить свои же танки.

Вскоре «Юнкерсов» отогнали советские истребители. А танковая бригада, уничтожив огромное количество вражеской техники и живой силы, вышла из боя и скрылась в густом лесу.

Атаки гвардейцев корпуса Ротмистрова характерны своей стремительностью и массовостью. Мощным налётом опрокинув противника, танкисты затем используют всю свою подвижность, чтобы расчленил силы врага, окружить их и уничтожить по частям. Тактику тарана, дробления и окружения неприятельских сил ротмистровцы, так же как и бадановцы, осуществляют с большим мастерством.

Это как нельзя более соответствует природе танковых войск, сила которых заключается не только в их броне и огне, но и в высокой подвижности. В боях января 1943 года гвардейцы-ротмистровцы мощными ударами по врагу обеспечили продвижение наших войск, наступавших с фронта и являвшихся основанием большого оперативного клина. Бронированное острие этого клина — танковый корпус генерала Ротмистрова.

Это он парализовал попытку немцев прорваться с юго-запада к своим окружённым войскам. Отразив контрудар противника, корпус мощным ударом овладел Котельниковым и уничтожил прорывавшуюся к Сталинграду немецкую группировку. Получив почётное наименование Котельниковского танкового корпуса, гвардейцы в новых боях оправдывают свое славное имя.

Красная Армия наступает. И не случайно, что в зимнем наступлении 1943 года стали гвардейскими, раньше других,

именно танковые соединения. Это показатель возросшей мощи Красной Армии, в авангарде которой движутся наши танковые и механизированные корпуса, созданные и обученные во время войны.

Гвардейцы-пехотинцы, артиллеристы, танкисты, миномётчики идут вперёд, к победе над немецкими захватчиками. В небе рождаются гвардейские эскадрильи, взаимодействующие с нашими наземными войсками. Каждый род советских войск имеет свою гвардию — бесстрашную, непоколебимую, закалённую в боях, как благородная сталь в горниле.

МУЖЕСТВО ДУХА

Сквозь дым и пламя боёв мы видим храброго советского воина, верящего в правоту своего дела, знающего, за что он воюет, искусного и хладнокровного бойца, ненавидящего врага и наносящего ему безжалостные, сокрушительные удары. Это гвардеец.

Мы видим воина, презирающего опасность. Он не поддаётся панике, не трусит в тяжёлый момент. Хладнокровие опытного профессионала-воина сопутствует ему на каждом шагу. Это гвардеец.

Мы видим воина, поклявшегося истреблять немецких оккупантов, как бешеных собак, не ведающего к ним пощады. Это гвардеец.

Мы видим воина, готового и к смерти и к бессмертной славе. Он смело идет на самые ответственные участки сражения. Он ищет их. Он без колебаний выполняет любой, самый трудный приказ командира. Он достиг такой степени воинского мастерства, когда тяжелейшие условия боя становятся его родной стихией, где он всегда спасёт положение и победит врагов. Это гвардеец.

Каждая страница летописи Отечественной войны украшена подвигами советских гвардейцев. Но есть среди доблестных боевых дел наших воинов такие, которые даже на фоне массового героизма выделяются своим величием.

В подвиге танкиста Шаронова раскрывается нам всё величие духа советского воина.

...Тяжёлый удар потряс танк, и широкий сноп пламени повис над смотровой щелью. Снаряд угодил в нижнюю часть танка. Механик-водитель Шаронов на секунду выпустил из рук рычаги управления — загорелся шлем со слуховым аппаратом. Шаронов снял шлем и погасил огонь. Теперь он почув-

ствовал острую боль в глазах, словно его хлестнули по переносице. Но могучий танк жил, его стальной корпус чуть вздрагивал — мотор работал. Шаронов осторожно провёл пальцем по закрытым глазам. Он не ощутил трепетания ресниц — их не было. Он хотел ощупать брови, но не нашел их — под пальцами была голая опалённая кожа. Первая вспышка боли угасла, и он с усилием поднял отяжелевшие веки.

Мгновение назад в смотровую щель Шаронову видны были вспышки разрывов, сверкала залитая солнцем рожь придонской степи. Сейчас перед ним зияла чёрная бездна. Тоскливое предчувствие какой-то непоправимой беды хлынуло в сердце. Нужно было немедленно двигаться дальше. Танк находился почти в центре противотанкового района. Шаронов силился пошире раскрыть глаза, на лбу его выступили крупные капли пота. Ветерок скользнул в смотровую щель и остудил горячую голову танкиста, но мрак, сгустившийся вокруг него, не рассеивался, и Шаронов, сам не веря своим словам, выкрикнул, полуобернувшись к товарищам:

— Ребята, я, кажется, ослеп!

Еще не услышав ответа, Шаронов подумал: «Что же это такое? Танк не должен стоять, не должен».

Где-то рядом бухнулся снаряд, и осколки глухо забарабанили по броне. Шаронов нажал рычаг, и танк легко сдвинулся с места. Слепой механик-водитель повел машину вперёд.

В это время недалеко от места боя, в деревне, где располагился политотдел, секретарь парткомиссии танкового соединения читал заявление Шаронова о приеме в партию. Оно было написано наспех, перед атакой. На столе лежали два листка, покрытые неровными строками, — автобиография механика-водителя. Шаронов — уралец. Перед войной долгое время жил в Молотове. Он был слесарем, мастером на все руки, и, когда пришел в армию и в первый раз открыл люк тяжёлого танка и заглянул внутрь, у него вырвалось восклицание: «Вот это да!»

...Под вечер накануне атаки в танковую часть приехал генерал. Экипажи выстроились перед машинами. Тяжелые танки были полускрыты высокой, в человеческий рост, рождью и сверху прикрыты ветвями. Рядом с Шароновым стояли командир машины, артиллерист, младший механик-водитель и радист.

Гвардии генерал-майор обходил экипажи. Танкисты вытянулись по команде «смирно», но возле тех машин, где оставался генерал, раздавались восклицания, явучал

раскатистый смех. Этот смотр перед боем походил скорее на встречу со старым другом.

Генерал давно уже был общевоинским начальником, но танки попрежнему оставались для него любимым родом войск. В этой части служило немало его сподвижников по прошлым боям, и он знал их всех наперечет. Генерал остановился перед Шароновым. Механик-водитель заметил на его груди рядом со звездой Героя Советского Союза и двумя орденами Ленина значок «За отличное вождение танка».

— Как будешь завтра драться, Шаронов? — спросил генерал, подавая ему руку.

— Пока глаза видят, товарищ гвардии генерал-майор, — сказал механик-водитель, краснея от смущения и уже досадуя на свой, как ему казалось, напыщенный ответ.

Генерал одобрительно кивнул головой и пошел дальше.

...Теперь, когда ослепший механик-водитель тронул вперед свою машину, он вдруг отчётливо вспомнил и значок на груди генерала и всё, что произошло в этом бою, начавшемся час тому назад. Уже по первым снарядам, рвавшимся на боковой броне передних танков, Шаронов определил тактику противника. Немецкие артиллеристы старались пропускать танки мимо себя и открывать огонь с коротких дистанций, целясь либо в боковую стенку машины, либо в заднюю. Как бы не замечая ближайшей пушки, Шаронов уже почти проскочил мимо нее, а потом на полном ходу сделал резкий поворот, мгновенно став к ней лобовой частью. Рывок вперед — и вот уже хрустнуло колесо пушки. Так танк раздавил четыре противотанковых орудия и три миномета.

...И вот этот снаряд, угодивший в нижнюю часть башни. И эта внезапная слепота... Шаронов несколько секунд вёл машину в полном мраке, еще не решив толком, что же будет дальше. В это время командир склонился к нему и прокричал:

— Шаронов, друг, ослеп? Уступай скорее место. Сейчас перевяжем тебя.

Решение Шаронова созрело в то же мгновение, как он услышал голос лейтенанта.

— Я сам, я сам, товарищ командир, — умоляюще произнес он. — Все равно лучше меня машину никто не знает. У меня сил много. Я поведу. Вы управляйте, товарищ командир, управляйте.

Шаронов кричал это торопливо, повторяя одно и то же, словно боясь, что его слова покажутся лейтенанту малоубедительными.

Но едва он замолчал, как ощутил толчок в правое плечо.

Шаронов понял. Свободным движением он плавно повернул машину вправо и тренированным чутьём водителя сразу почувствовал под гусеницей что-то металлическое — пушка. Слепой, он внутренним зрением угадывал положение, в котором она стоит. Шаронов развернул танк, безошибочно накрыл пушку гусеницей по самому щиту и пошёл дальше, подминая танком расчёт. Толчок в левое плечо — и танк идет влево. Легкий удар в спину — и машина устремляется вперед. Прикосновение к голове — значит «стоп», и танк останавливается.

Ослепший Шаронов, повинаясь руке лейтенанта, бросал машину из стороны в сторону, давил пушки и минометы, вгонял в землю немецких артиллеристов. Он видел поле боя глазами своего командира.

Слух Шаронова необычайно обострился. Водителю казалось, будто сквозь рычание и грохот танка он слышит все звуки боя, каждый в отдельности, и когда командир направлял его в нужное место, Шаронов не только ушами, но ещё обостренными нервами, всем своим существом улавливал ляг столкнувшихся масс металла и знал, что нужно делать дальше. У него было такое ощущение, словно он сам шёл впереди своего танка и, невидимый, указывал стальной громаде её путь среди поля.

Тьма, окружавшая Шаронова, теперь как бы не существовала для него. Он уже не напрягал обгоревшие веки, не старался увидеть. Все его чувства растворились в заполнившем его сердце и мозг настроенном внимании. И это делало его зрячим.

Шаронову казалось, что прошло всего несколько минут с того момента, как непроницаемая тёмная пелена окутала его глаза. На самом деле танк со слепым водителем действовал на поле боя целый час. Он раздавил еще четыре пушки и три миномёта, давно прошёл ржаное поле, протаранил тяжёлый танк противника, выстрелами из пушки разбил два средних танка. И когда артиллерист был ранен и иссяк боевой комплект, Шаронов по знаку лейтенанта повернул машину и вывел ее из боя.

Шаронов вылез из танка. Пошатываясь, он стоял на лесной поляне и держался рукой за плечо товарища. Золотой шар солнца ослепительно сиял в чистом, хрустальном небе. Шаронов запрокинул голову — небо было чёрным.

Вокруг Шаронова стояла ночь. И только теперь он вспомнил свой ответ генералу: «Буду драться, пока видят глаза». Он дрался и после того, как они перестали видеть.

☆

СИЛА ГВАРДЕЙСКОГО УДАРА

Как ни велик героизм воинов, как ни крепок их дух, но если они лишены необходимого вооружения, они не могут добиться крупных успехов в современном бою. Красная Армия и в том числе гвардейцы обладают первоклассным вооружением. Самолёты новейших моделей, мощные танки, разнообразные артиллерийские системы, автоматы — всё это в достаточном количестве производят наши заводы.

Техника, которой владеют гвардейцы, ничем не отличается от вооружения других частей Красной Армии. Гвардейцы лишь научились полностью использовать боевые свойства своего оружия, бить врага навсерьняка.

Немцы боятся советской техники в гвардейских руках. Она несёт им неминуемую смерть. Непередаваемый ужас испытывают враги перед нашими тяжёлыми гвардейскими миномётами. Такого всеокрушающего оружия вовсе не знали в прошлых войнах. И наши гвардейцы-минометчики умело применяют его.

Это произошло утром в донской степи.

Всходило солнце, и розовые отсветы растекались по облакам. Ночью прошёл небольшой дождь. Степь была умытой и нарядной. На наблюдательном пункте командир гвардейского минометного дивизиона Кириллов, приложив полусогнутую ладонь к каске, всматривался в редкий кустарник, серевший впереди едва заметной грядкой.

— Природой любуетесь, товарищ капитан? — раздался за спиной Кириллова голос старшего лейтенанта Юмакова.

Не оборачиваясь капитан насмешливо ответил:

— Природа здесь была пять дней назад, а теперь это поле боя.

Кириллов широким жестом указал на расстилавшуюся перед ними степь. Юмаков сконфузился и подумал, что в словах капитана, как будто шуточных, много скрытого смысла. Высокий, черноволосый, не по годам суровый, капитан Кириллов при каждом удобном случае говорил своим подчинённым: «Поле боя нас учит, за ним смотреть надо в оба. Сидеть в блиндажах и дожидаться, пока пехота позовёт пострелять, — это последнее дело. Самим надо все видеть, самим надо тон задавать. Мы — гвардейцы!»

Во время советско-финской войны Кириллову было присвоено звание Героя Советского Союза. Но о своих подвигах капитан не рассказывает. Он молчит или отнекивается, а то скажет:

— Прощая слава новую любит!

Если посмотреть на карту, место, где стояли капитан Кириллов и старший лейтенант Юмаков, пришлось бы примерно на центр левого участка важнейшего направления. Все эти дни здесь шли ожесточённые бои, дивизион поработал на славу. Но вот уже шесть часов, как вокруг всё было тихо, и это беспокоило капитана: значит, немцы задумали какой-то новый трюк. Наши части держали здесь оборону. Час назад капитан связался с командиром пехотной части, закрепившейся на рубеже в двух километрах впереди огневых позиций дивизиона. Разведка, подползавшая совсем близко к расположению немцев, ничего особенного не отметила, но сообщила, что солдаты противника почему-то снимают верхнюю одежду. Это донесение казалось невероятным.

Кириллов еще раз окинул взглядом пространство, лежащее перед ним. Сталь была изрезана небольшими лощинами. Все места возможного накопления противника были тщательно пристреляны.

Приказав Юмакову не прерывать наблюдения, Кириллов прилёг на пахучую траву, сверкавшую бисером росы. Солнце уже начинало припекать, и бусинки влаги, покрывавшие вельень, медленно исчезали в его лучах.

Юмаков негромко окликнул Кириллова. Капитан встал.

— Начинается, — сказал старший лейтенант.

В стереотрубу Кириллов увидел, как небольшие группы немцев, показавшись из-за кустарника, перебежали из лощины в лощину, видимо накапливаясь для атаки. Ветер донёс протяжные, воюющие звуки каких-то рожков и дудок. Через кустарник в овражки сыпались один за другим всё новые и новые солдаты противника.

Юмаков вопросительно посмотрел на Кириллова. Капитан, словно отвечая на его взгляд, сказал:

— Цели мелковаты — не для нас.

В это время на правом фланге немецкого расположения что-то забелело. Кириллов прильнул к биноклю. Послышался тяжёлый всплеск автоматов. Он разрастался, сливаясь в однообразный, чуть прерываемый шум, похожий на треск лесных сучьев, ломаемых стадом диких животных, идущих на водопой.

Кириллов увидел как будто из-под земли выросших немцев. Солдаты шли в одних нательных рубахах, с засученными рукавами, густой цепью, почти плечом к плечу. За первой цепью показалась вторая, за ней угадывалась третья. Немцы падали из автоматов и двигались не прямо, а на-

искось, на левый фланг советской пехоты, но задние их ряды вели огонь вправо. Они поливали свинцом весь фронт расположения пехотной части, зарывшейся в землю впереди дивизиона.

— Дают спектакль по устаревшей программе, — сказал Кириллов. — Разделись даже, — знают наверно, что жарко будет.

Теперь капитан оживился. Осадок тревоги, вызванной неизвестностью и ожиданием, растворился в нахлынувшем чувстве уверенности. «Ну, пехота, держись!» — подумал он о тех, кто лежал впереди.

Кириллов приказал телефонисту связаться с командным пунктом пехотной части. А немцы шли и шли. Обескураженные неудачами прошлых дней, когда ни танки, ни авиация не смогли пробить стену нашей обороны на этом участке, они решили — теперь это было ясно — разыграть отчаянную атаку.

По степи двигался целый немецкий полк. Фланги его цепей прикрывались самоходными противотанковыми пушками. В поле катился громадный вал, изрыгавший настолько плотный огонь, что наши пехотинцы не могли поднять головы.

Капитан видел всё, но никак не мог связаться с командиром пехотной части. Видимо, где-то на линии был обрыв. Кириллов уже послал двух связных, но они не возвращались. А немцы приближались. Они шли, пересекая поле по кривой и не боясь за свой фланг, защищённый противотанковыми пушками.

Передние шеренги автоматчиков были уже недалеко от линии советских окопов. Вот вспыхнули огоньки пулеметных очередей, застрочили советские автоматы. Но немцы лавиной двигались вперед. Кое-кто из пехотинцев дрогнул.

«Пора действовать», — решил капитан. — Выбрасываемся в боевые порядки пехоты, — сказал Кириллов Юмакову.

Быстро и спокойно отдавал распоряжения капитан, поглядывая в сторону безостановочно двигавшихся немецких цепей. Он видел перед собой цель и оценивал её опытным взглядом профессионала-артиллериста — «Хороша цель!»

Батареи тяжёлых миномётов рванулись вперёд. Всего лишь четыре-пять минут потребовалось, чтобы покрыть два километра, отделявшие их от наших окопов. Гвардейский дивизион развернулся на глазах у немцев. Кириллов в бинокль видел их напряжённые лица, взмокшие и посеревшие от пота рубахи с закатанными до локтей рукавами.

— К бою!

Секунда, другая. Звучат слова точной, безошибочной команды. Грянул залп. И словно тяжёлый огненный саван распростёрся над степью. Все поле заволокло дымом. И когда он рассеялся, глазам предстала удивительная картина. Там, где в начале боя маршировали, как на параде, густые немецкие цепи, стало пустынно, словно среди кладбищенских могил. Весь немецкий полк со всей своей артиллерией перестал существовать. Над полем, незадолго до этого наполненным грохотом сотен автоматов, воцарилась странная тишина.

Залп дивизиона сделал своё дело...

Гвардейская честь

БОЕВЫЕ ТРАДИЦИИ

В огне боёв закалились наши полки и дивизии. За время Отечественной войны Красная Армия прошла большой путь. Она извела и горечь неудач и радость побед. Советские войска вышли на поля сражений молодыми, не имеющими достаточного опыта современной войны. Первые же бои стали для наших воинов суровой школой, и с каждым днем враг на своей спине чувствовал всё возрастающую силу ударов Красной Армии. Теперь в её составе насчитывается немало гвардейских соединений, чьи знамёна увиты лаврами блистательных побед над сильным, искушённым в боях противником. Бойцы и командиры этих полков и дивизий по праву гордятся своей воинской честью и славой.

Гвардейская честь с незапамятных времён волнует сердца солдат. Любовь к своему командиру, к части, желание видеть её всюду первой, готовность сделать для этого даже то, что на первый взгляд кажется невозможным, — это истинно благородные чувства воина.

Вспомним доблестный Фанагорийский полк Суворова. Как ревниво храбрые ветераны этого полка следили за каждым движением фельдмаршала, ожидая, что именно им прикажет он идти на врага во главе штурмующих колонн. Какой радостью сияли лица поседевших в боях фанагорийцев, когда после удачного дела Суворов, захватив деревянную ложку, шёл есть кашу именно с ними, а не с кем другим.

Вспомним знаменитых казаков Платова, твёрдо веривших в свою военную звезду, в то, что нет такой вражьей силы, которая могла бы им противостоять. Они берегли свою честь цуще самой жизни и, разделяя с командиром выпавшую на их долю славу, говорили: «Хвала, наш вихорь-атаман — вождь невредимых Платов!»

Слава и честь моей части — моя слава и честь. Такова старейшая воинская добродетель. В замечательном стихотворении Жуковского «Певец во стане русских воинов» ярко раскрыто солдатское понимание воинской чести родного полка:

Друзья, мы чужды низким уз,
К венцам стезёю правой!
Опасность — твердый наш союз;
Одной пылаем славой.

Самые благородные воинские традиции русской гвардии воскресли в годы гражданской войны и засверкали новым светом. Ещё в те дни, когда молодая Красная Армия была полураздета и слабо вооружена, лучшие наши полки и дивизии пылали единой славой. И теперь старики, вспоминая былые походы, с понятной гордостью говорят: «Я — чапаевец», «Я служил в Таманской дивизии», «Я дрался под начальством Котовского».

Что может быть радостнее для бойца, для командира, нежели успех его части? Боевая слава гвардейской дивизии осеняет каждого, кто сражается под её знаменем, заставляет дорожить бойцов тем, что они находятся в её рядах. Писатель Фурманов в книге «Чапаев» рассказывает: «В полку Стеньки Разина были два героя, в боях потерявшие ноги; один ползал на култышках, один кое-как пробирался на костылях — и ни один не хотел оставить свой многославный полк, каждый за счастье почитал, когда приезжавший Чапаев скажет с ним хоть бы несколько слов. Они не были пустой обузой полку — оба в боях работали на пулеметах».

Гвардейская честь дивизии, ее боевые традиции — это невосомое, незримое, но грозное оружие. Известно, что и вооружение у большинства однородных частей одинаковое, и люди везде как будто бы одни и те же — хорошие советские люди, беззаветно любящие свою отчизну. Между тем решающее дело поручается иногда именно этой дивизии, а не какой-либо другой. И все убеждены в том, что она успешно решит боевую задачу. И сами люди дивизии — от генерала до бойца — твердо знают, что добьются успеха, чего бы это им ни стоило. Происходит это потому, что дивизия свято блюдет

свою гвардейскую честь, завоеванную кровью её сынов, не изменит второй чести, не запятнает память погибших товарищей, выполнит свой долг до конца.

Существует рассказ о том, как в одном полку старые бойцы принимали пополнение: «Ты знаешь, земляк, в какой ты полк попал? — строго внушал новичку старый, обветренный и обстрелянный воин. — Ты про Скулень в газетах читал? Это, брат, мы были. А Дубоссары, Затишьед.. Чувствуй! Ты знаешь, какой полковник у нас? Никто не смог Бугаевку взять, а он взял. Три раза его ранили — он из строя не ушёл. Вот как у нас!» И молодой солдат с первого же дня понимает, что он попал в «серьёзный полк», что здесь трусов не терпят. Атмосфера подъёма, порыва, веры в победу окрыляет и его.

Чувство гвардейской чести дивизии — это то, что связывает всех её бойцов и командиров в одно целое. Дух общности двигает людей вперёд и помогает им побороть любые трудности. Дух общности, основанный на гвардейской чести дивизии, на её традициях, выражен в старинной военной поговорке, означающей высокую боеспособность войска: «10 тысяч: сердец в одном ударе».

В Красной Армии существует немало гвардейских воинских частей, хорошо известных всей стране. Не сразу пришла к ним громкая и заслуженная слава. Они добывали её в ожесточённых боях и кровью лучших бойцов утвердили свою воинскую честь. Такова дважды орденосная гвардейская дивизия имени генерала Панфилова.

Гвардейская честь этой дивизии воплощена в бессмертном подвиге 28 павших героев. Память об их подвиге священна для каждого панфиловца. Командиры и политработники немало сделали для того, чтобы самое имя дивизии вошло в сознание бойцов отличительным признаком их высокого воинского долга. Когда в ротах и батальонах дивизии перед боем говорят: «Мы — панфиловцы, с нас спросят строже», — то все понимают, что великую честь быть бойцом 8-й гвардейской нужно оправдать делом.

Здесь люди знают: то, что совершили 28 героев, должен суметь сделать каждый, если этого потребует воинская честь дивизии. Здесь любое достижение дивизии и её полков воспринимается воинами как собственный успех, и в то же время боевые отличия и награждения отдельных бойцов и командиров становятся радостным событием для всего боевого коллектива.

Особо отличившиеся в великой Сталинградской битве тан-

ковые и механизированные гвардейские корпуса получили почётные имена за подвиги, связанные с окружением и уничтожением 6-й германской армии и других частей противника. Эта беспрецедентная в военной истории операция высоко вознесла названия городов и пунктов, где развернулись исторические бои. Сталинград, Котельниково, Тацинская, Кантемировка, Зимовники навеки войдут в историю Великой отечественной войны. Отныне с ними неразрывно связана и воинская слава наших танковых и механизированных частей, завоёванная в жестоких победоносных боях.

Многие другие наши гвардейские части и соединения прославлены на весь мир. Широко известны их доблестные командиры, положившие немало трудов, чтобы высоко поднять честь своих полков и дивизий. Величайшей наградой этим командирам послужит то, что в истории нашей армии их имена будут навеки неотделимы от славы войск, которыми они командуют. Герои-панфиловцы, храня память о своём погибшем на поле брани генерале, с честью носят его имя. Казачьи полки Доватора и после смерти этого легендарного военачальника Отечественной войны берегут его добрую славу, украшая её новыми подвигами. В воздушных схватках с врагом показал грозную силу истребительный полк Клещева, и его отважные летчики с гордостью говорят о себе: «Мы — из полка Клещева!» Под Ленинградом завоевали воинскую честь богатыри Краснова, обожающие своего умелого командира. Ширится и растёт боевая слава соединений, которыми командуют генералы Баданов, Ротмистров и многие другие.

Все эти гвардейские полки и дивизии состоят из воинов, для которых честь их полка и дивизии — наивысшая гордость. Ревностно заботясь о гвардейской чести родных соединений, бойцы и командиры идут по славному пути мужества и героизма.

Высокое звание гвардейца заслужено только в боях — отвагой, мужеством и умением. Оно — почётное отличие отважных, знак их принадлежности к цвету советских войск. Воин гордится гвардейским званием. Завоёванное кровью, оно сопутствует ему всюду. В какой бы полк ни перешел такой воин, он хочет остаться гвардейцем. Когда одного капитана-гвардейца решили перевести на высшую должность, но не в гвардейскую часть, он подал рапорт следующего содержания: «Наша часть заслужила звание гвардейской в кровопролитных боях. Я был их участником и прошу не лишать меня права именоваться гвардейцем».

Советское правительстве ввело специальные гвардейские звания — от гвардии красноармейца до гвардии генерала.

В гвардейских частях особенно любят и ценят своё оружие. Среди гвардейцев возник неписанный ритуал передачи оружия раненого достойному бойцу. Кавалеристу-автоматчику Савушкину пуля перебила руку. Савушкин разыскал бойца Ахметова. Тот лежал в окопчике на пригорке.

— Керим, — сказал Савушкин, — иди сюда.

Ахметов спустился вниз.

— Я тебе, Керим, автомат свой передам. Отделение собирать нельзя, свидетелем командир будет.

Керим вытянулся.

— Повторяй, — говорит Савушкин, — за мной. Я, Ахметов Керим, гвардеец полка Морозова, принимаю от раненого гвардейца Савушкина Тимофея автомат, взятый им из рук убитого командира отделения гвардейца, героя Парамонова Петра. Парамонов Пётр убил этим автоматом 114 немцев. Савушкин Тимофей убил им 121 немца. Клянусь и я не выпускать автомата из рук до полной победы над врагом. Если же меня ранят, я отдам его, с согласия командира, в верные руки, сумеющие поддержать честь нашего гвардейского оружия.

У Савушкина на глазах навернулись слёзы. Прослезился и Ахметов. Савушкин поцеловал автомат.

— Будьте, товарищ командир, свидетелем, что гвардеец Савушкин сдал своё боевое оружие, а гвардеец Ахметов принял его.

Савушкин ушёл в госпиталь. Сам он ещё за месяц назад до этого случая был таким же новичком в гвардейском полку, как и Ахметов. В одном из боёв ему вручили оружие командира отделения Парамонова, чуть ли не самого героического автоматчика.

В этом гвардейском полку передача почётного оружия стала традицией. Все старые бойцы, все командиры, временно выбывающие из строя, по разрешению старшего начальника намечают преемников своего оружия, и те дают клятву применять его достойно. Оружие героев вручается в присутствии командира. Родилась эта традиция в те дни, когда полку было присвоено звание гвардейского.

Гвардеец Красной Армии — почётное, великое звание. Это звание даётся только тому, кто завоевал его своей кровью, своими подвигами в борьбе с гитлеровскими захватчиками. Но война есть война. В боях выбывают из строя люди. На их место становятся новые. Люди меняются, но гвардейское звание остаётся. Задача командиров и политработников — вос-

питать в новом пополнении гвардейский дух. И церемония передачи оружия способствует закреплению гвардейских традиций.

Любовь гвардейцев к оружию — это любовь к своей части, вручившей его, любовь к народу, давшему оружие своей гвардии.

Кульг гвардейской чести — могучее средство воспитания бойцов и командиров, живая память былых сражений, верное предзнаменование будущих побед.

ВНЕШНИЙ ВИД ГВАРДЕЙЦА

Известный всей стране гвардии генерал Утвенко сказал однажды: «Где бы гвардеец ни был, он всегда гвардеец: он о своей внешности помнит, сохраняет гвардейский вид. Это ничего, что запылённый, усталый иногда. Выправка гвардейская остаётся. Взгляд бодрый остаётся. И хотя запылённый и усталый, а видно, что гвардеец».

Внешний вид бойцов и командиров имеет огромное значение для всей их боевой жизни. Значение формы обмундирования войск и связанных с этим правил дисциплины и порядка было всегда очень велико. М. В. Фрунзе писал: «...У нас нередко наблюдается отношение к военной выправке, дисциплине строя, внешнему порядку как к чему-то вредному, нереволуционному и ненужному. Это — абсолютная чепуха. Внутренняя сознательная дисциплина должна обязательно проявиться и во внешнем порядке».

Военная форма издавна служит средством выделения вооруженных защитников страны. В глубокой древности, до возникновения наемных армий, каждый мужчина, способный носить оружие, был воином и выходил на поля сражений в том платье, которое носил постоянно. Однако необходимость издали отличать свои войска от неприятельских уже тогда привела к стремлению иметь одноцветную одежду или по крайней мере отличительные знаки.

В Спарте, этом суровом государстве античности, было положено начало правильному обмундированию войск. Форма воина становилась признаком доблести. Для своей военной одежды спартанцы избрали красный цвет, чтобы кровь, текущая из ран, была менее заметна и не смущала малодушных.

Первые русские гвардейцы — воины Петра — ценили своё обмундирование. Оно было освящено в битвах с врагами.

Вокруг деталей одежды преображенцев, семёновцев начали складываться военные традиции. Этим полкам, единственным в русской армии, был пожалован белый кант, сохранившийся в их форме на долгие годы. Этот цвет, считавшийся принадлежностью моряков, служил для гвардейской пехоты памятью ее участия в морских операциях Петра.

Форма петровской гвардии, довольно удобная для солдат и офицеров той эпохи, существовала с небольшими изменениями вплоть до начала царствования «гатчинского капрала» — Павла. Этот тупой поклонник палочной фридриховской системы стремился превратить русскую гвардию из грозной боевой силы, какой она была, в строгие квадраты плацпарадных оловянных солдатиков. Форма одежды была обесмысленна. Традиции, связанные с деталями внешнего вида, забывались.

Легендарные бляхи, пожалованные гвардейским Преображенскому и Семёновскому полкам за Нарву, были отменены вовсе. Самая идея мундира, как символа боевой чести, была утрачена, ибо армия готовилась не к войне, а к парадным перестроениям. «Награда потеряла свою прелесть, — писал Карамзин, — наказание — сопряжённый с ним стыд».

Все это вызвало резкую критику со стороны Суворова, который говорил: «Нет вшивее пруссаков; в шильотгаузе и возле будки не пройдёшь без заразы, а головной их убор воню подарит вам обморок. Мы от гадости (паразитов) были чисты, а ныне они первою доукою стали солдат... Коса не шпага, пудра не порох, а мы не пруссаки, а руссаки». Суворов старался вернуть мундиру российских войск его истинное значение.

Особенное значение символа чести приобрел военный мундир в период наивысшей славы русской гвардии — во время войн с Наполеоном в 1805—1807 годах, в Отечественной войне 1812 года и последующее время, ибо, как говорит старинная военная пословица, «для блеска эполет нужны обнаженные мечи».

Доблесть русской армии, разгромившей полчища Наполеона, получила мировое признание. В этой войне прославились десятки и десятки гвардейских полков, навеки связавших цвета и форму своих мундиров с героическими подвигами в знаменитых сражениях. К этому же времени относится и окончательное внедрение в русской армии погонов и эполет. Впервые погоны в ней были введены в 1801 году, в гвардейских полках.

Происхождение эполет относится к тридцатилетней войне

1618—1648 годов. В то время в кавалерийских эскадронах, особенно среди кирасиров Густава-Адольфа, получил распространение лихой прием рубки, так называемый «удар смерти». Клинок со страшной силой опускался на плечо неприятельского всадника и наискось рассекал его туловище. Тогда из арсенала оборонительных доспехов были заимствованы плотные металлические пластинки; прикрепленные на плечи, они ослабляли «удар смерти» и нередко спасали кавалеристов от гибели.

Символика погонов и эполет уходит и в седую старину. Они были как бы данью памяти о тех далёких временах, когда древние русские витязи носили продольные наплечники или оплечья, защищавшие их от ударов мечей неприятеля. В практическом смысле погоны были удобны тем, что при ношении ружей «на плечо» они предохраняли самую верхнюю часть мундира от быстрого износа и как бы скрепляли собой все части кожаного и матерчатого обмундирования — портупею, перевязь, ранцевые ремни.

С течением времени погоны стали важнейшей частью военного мундира. Знаки различия, появившиеся на них, ясно указывали степень офицерского чина и таким образом четко разграничивали служебное положение старших и младших, начальников и подчиненных, офицеров и солдат.

Мундир всё более и более становился символом воинской чести, и выражение «честь мундира» в лучшем значении этих слов было тождественным гвардейской чести на поле брани. Недаром поэт-воин, служивший в павлоградских лейб-гусарах, писал в день полкового праздника:

Твой редкий кивер бирюзовый
Носил и я, за свой мундир,
За честь полка итти готовый
На смерть с восторгом, как на пир.

С мундиром, со всем внешним видом солдат и офицеров каждый полк связывал представление о своей былой славе и будущих победах. Один кавалерийский начальник говорил: «Гвардейцам нужны красивые мундиры для того, чтобы каждый офицер питал к ним любовь. И если бы мы не дорожили и не гордились воинской одеждой, которую носили когда-то наши доблестные предки, то были бы дрянью, лишенной чести».

Лишение права носить какие-либо принадлежности обмундирования считалось в войсках одним из самых тяжелых на-

казаний. 16 марта 1806 года по русской армии был объявлен приказ: «Среди храбрости, оказанной российскими войсками, усмотрены и деяния тех, кои в день баталии покрыли себя бесславием. Новгородский мушкатёрский полк при встрече с неприятелем противостоял ему недружно. В наказание столь постыдного поведения Новгородского мушкатёрского полка положено отныне штаб- и обер-офицерам его носить шпаги без темляков, а нижним чинам сего полка тесаков не иметь».

Только свыше четырёх лет спустя, 13 июня 1810 года, Новгородскому мушкатёрскому полку, загладившему вину свою мужеством и храбростью при штурме укреплений Базарджика, были возвращены утерянные отличия.

Символика мундира и погонов была в русской армии столь всеобъемлющей, что сам внешний акт лишения офицерского звания выражался в срывании погонов с плеч того, кто своим поведением обесчестил их.

Честь мундира — это храбрость, верность долгу. Честь мундира — это дисциплина. «Соберите сто тысяч человек, — говорил военный писатель Блондель, — дайте им оружие, снаряды, мундиры, и у вас ещё не будет армии. Научите их употреблять все средства к истреблению неприятеля, предположите, что все они мужественны и сильны: у вас будет сто тысяч солдат, но ещё не армия. Если их одушевляет одно чувство, поведите их на врага, они, быть может, одержат мгновенную победу, но на другой же день разстроятся и рассыпятся: они ещё не составляют армии. Чего же недостаёт этим вооружённым, храбрым людям, чтобы стать армией? Им недостаёт дисциплины».

Только строгий воинский порядок соединит этих людей в одно целое. Воинский мундир, не освящённый самой суровой дисциплиной, перестаёт быть символом чести и становится безличной одеждой. Поэтому тот, кто надел мундир солдата или офицера, перестаёт уже располагать собой по собственному усмотрению и подчиняет свою жизнь точно регламентированному порядку.

Внешний вид гвардейских частей сказывался не только в форме обмундирования, но и в молодцеватости солдат, их выправке, в умении офицеров вести себя с достоинством. С помощью дисциплины и воспитательных мер желательный внешний вид может стать постоянно присущим гвардейским полкам и дивизиям. В военном мундире нельзя быть понурым вялым, нерешительным.

Когда в 1814 году, после окончательного поражения напо-

леоновской армии русская гвардия впереди всей массы войск вошла в Париж, жители города, как свидетельствуют многочисленные мемуарные источники, были восхищены военным изяществом русских мундиров, блеском оружия, здоровым видом и бодростью воинов.

Находившийся при главной русской квартире английский генерал Стюарт, впоследствии лорд Лондондерри, писал: «Всё, что можно сказать о русских резервах, останется ниже истины. Внешний вид и вооружение их удивительны. Когда подумаешь о претерпленных ими трудах и сообразишь, что некоторые из них прибыли с границ Китая и в короткое время прошли пространство от Москвы до Франции, исполняешься каким-то восхищением к этой исполинской стране и ее людям».

Красивый, стройный вид гвардейской части, бодрое выражение лиц, щеголеватость в одежде, подтянутые манеры и точно написанная на лице готовность моментально исполнить любое приказание — это подлинные черты военного типа, свидетельствующие о постоянном присутствии в человеке военной жилки, о великом уважении к своему мундиру.

У лучших офицеров были романтические представления о достоинстве их мундиров, осенённых славой героев-предков. Когда однажды в гвардейском полку солдат, не отдав капитану чести, хотел оправдаться тем, что, стоя в полуоборот, он не видел лица офицера, капитан резонно сказал: «Мундир-то ведь ты видел, братец! Ну так вот знай — не мне отдаешь честь, а мундиру».

Честь мундира священна для гвардейца. Понятие о чести мундира включает в себя верность знамени, служит на войне путеводной нитью, указывающей дорогу среди всех преград. Честь мундира — это не только прошлое и настоящее нашего гвардейца, а и его будущее, ибо, вознесённая подвигом, она переживёт века.

ГВАРДЕЙСКОЕ ЗНАМЯ

Красное знамя является символом воинской чести, доблести и славы, оно напоминает бойцам и командирам об их священном долге: преданно служить советской родине, защищать её мужественно и умело, отстаивать от врага каждую пядь родной земли, не щадя своей крови и самой жизни. Особое знамя вручается каждой нашей гвардейской части, соединению.

Воинские знамёна существуют с незапамятных времён. Они возникли задолго до появления регулярных армий и почитались священными ещё у древних племён. На Руси знамя носило название стяга. В старинных летописях мы находим такие выражения: «Галичане пойдоша под свои стяги», что значит: галичане выступили в поход на битву с врагами. В древнейшем памятнике русского эпоса, знаменитом «Слове о полку Игореве», красочно описана готовность русских войск к борьбе: «Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле».

Знамёна всегда воодушевляли русских воинов. Когда Александр Невский громил немецких псов-рыцарей на льду Чудского озера, его стяг развевался у Вороньего Камня. Воины, глядя на тяжёлое полотнище, колеблемое ветром, знали, что там центр бся, там их военачальник.

В день Куликовской битвы, когда русское войско билось на смерть с мамаевой ордой, в гуще страшного сражения развевалась хоругвь Дмитрия Донского, и этот великокняжеский стяг придавал русским воинам новые силы. Этот стяг как бы говорил им: с вами ваш полководец и вся слава родной земли.

Издавна русские полки ходили в бой с развёрнутыми знамёнами. Было что-то необычайно торжественное уже в самом приближении наших солдат к полю битвы. Именно такую картину изобразил русский поэт, служивший в лейб-уланах:

Впереды штандарт сияет
Утренней звездой.
Ветер бережно играет
Тканью золотой.

Полотнища знамён развевались, осеняя воинов. Это как бы вся земля русская простирала руки над головами детей своих, благословляя их на подвиги, на смертный бой с врагами.

В русской армии оборона знамени считалась делом высшей славы и воинской чести. Знаменщик гордился своей почётной ролью в полку. Его руки сжимали древко боевого стяга, вдохновлявшего всех воинов на ратный труд.

История русской военной силы сохранила нам немало примеров доблестной службы у знамени, и эта традиция образцового исполнения долга должна войти в плоть и кровь наших воинов. Знаменщик-гвардеец Митрофан Иванов в деле под

Горним Дубняком во время кампании 1877 года был смертельно ранен, но он был настолько проникнут сознанием своей высокой обязанности, что не покинул знамени, а продолжал нести его. Залитый кровью, страдая от тяжёлой раны, напрягая последние усилия, шёл Иванов со знаменем впереди полка.

Напрасно товарищи предлагали заменить его хотя бы на время, пока перевяжут рану. Он ни за что не хотел расстаться со своей святыней, и только когда силы уже оставили его, в самую минуту смерти, он передал знамя другому.

Новый знаменщик, принявший знамя из холодеющих рук Митрофана Иванова, в ту же минуту сам получил пулевую рану, но пример славного товарища и мысль о великой чести, выпавшей на его долю, придали ему силы, и он бодро понёс впереди полка принятое знамя, обрызганное уже и собственной его кровью. Солдаты с трепетом и восторгом смотрели на этот подвиг знаменщиков, загремело «ура», и, сблизившись с противником, они опрокинули его яростной штыковой атакой.

Где только не побывали славные русские знамёна! Они развевались на поле Полтавской битвы, когда Россия скрестила свой меч со шпагой Швеции и нанесла поражение армии Карла XII, считавшейся самой сильной в Европе. Непрístupный Измаил, взятый штурмом чудо-богатырём Суворова, пал, и русские знамена взвились на его башнях. Русские знамёна во время Семилетней войны были водружены над прусскими городами. В грозную годину Отечественной войны 1812 года шли в бой кутузовские полки, неувядаемая слава Бородинского сражения покрыла русские знамёна.

Воинские знамёна реяли в самой гуще схватки, и по тому, где они находились, можно было определить, успешно ли идёт бой. Во время Бородинского боя французы овладели высотой на левом фланге. Артиллерия Наполеона начала простреливать фронт русских войск, нанося им большой ущерб. Тогда командир гвардейского Литовского полка повёл в атаку на эту высоту батальон своих солдат. Смертельно раненный, поддерживаемый двумя ветеранами, он шёл вперед, командуя своими людьми. Солдаты бросились в штыки и после кровопролитной схватки сбросили французов с высоты. Взглянув в последний раз на знамя полка, развевающегося над высотой, командир успел только сказать «Добро!» и упал бездыханный.

Изменился характер войн. Современный бой даже отдалённо не напоминает сражений прошлого. Теперь поле боя очень часто кажется пустынным. Люди зарываются в землю, скрываются в дотах, блиндажах, но дух воинов, их нравственная сила и ныне властвуют в бою, как и прежде.

Теперь знамя не может красоваться впереди боевого порядка войск, а обычно находится в штабе части. Но как только начался бой, знамя переносится на командный пункт и стоит там без чехла. Оно должно быть в районе боевых действий части. В тяжёлые, напряжённые минуты сражения знамя выносится к войскам и идёт вместе с ними.

Так было в одном гвардейском соединении на Калининском фронте. Необычайный подъём охватил бойцов, увидевших неподалёку от себя ало-золотое полотнище с начертанным на нём девизом: «Смерть немецким захватчикам!» Весть о том, что знамя на поле боя, быстро облетела всех гвардейцев. В неудержимом порыве они контратаковали неприятеля и обратили его в бегство.

Гвардейское знамя — святыня. Его принимают коленопреклоненно, целуя алую ткань. Торжество вручения знамени проводят по строгому церемониалу. Выстраивается вся часть. Знамя выносится под марш дивизии. Перед оглашением приказа о вручении знамени подаётся команда: «Под знамя, на колени!» Знамя вручается командиру части при ассистентах из прославленных её героев. После поздравительной речи представителя Наркомата Оборона командир части, принимая знамя, троекратно целует его и, поднявшись с колен, читает ответную клятву. Вслед за командиром поднимается с колен и вся часть. Затем командир передаёт знамя знаменосцу. При этом подаётся команда: «Смирно, под знамя на-караул!» Оркестр играет «Интернационал». После этого командир, знаменосец и ассистенты проносят знамя перед фронтом части. Далее следует команда: «Караул, под знамя!» Караул подходит к ассистентам и принимает охрану и оборону знамени. Так вручаются гвардейские знамёна.

«Кто к знамени присягал единожды, тот у одного и до смерти стоять должен», — говорил Пётр I своим воинам. Знамя в бою охраняется всеми, до последнего человека. «При утрате Красного Знамени, — гласит Положение, — вследствие малодушия войсковой части её командир и весь командный состав, виновные в таком позоре, подлежат суду военного трибунала, а войсковая часть — расформированию». Часть, не сохранившая знамени, вычеркивается из списков армии; она умирает вместе со знаменем.

Боевые красные знамёна цвета алой крови воинов, проливших её в боях за честь и независимость отчизны, шумят своими полотнищами над советскими полками и дивизиями. Под этими красными знамёнами наша страна обрела себе свободу; осенённые ими, наши войска доведут дело разгрома немецких оккупантов до победного конца.

Будет день, мы разобьём гитлеровскую Германию, и наши гвардейские дивизии пронесут по улицам освобождённых городов и сёл свои пробитые пулями, потемневшие от пороховой копоти знамёна, на которых начертаны сталинские слова: «Смерть немецким захватчикам!»

